

Андрей Терехов

Кассия

«Автор»

2026

Терехов А. С.

Кассия / А. С. Терехов — «Автор», 2026

Рога. Амнезия. Кассия приходит в себя после аварии. Она не помнит последних двух лет, заново учится ходить, а из головы растут рога. Единственная зацепка - институт оккультных исследований, куда Касси перевелась в забытые два года. Здесь изучают метафизическую плесень и прорывы Бледности, а магия работает на стыке математики, оккультных наук и биологии. И здесь же, кажется, знают, что с ней случилось. Чтобы убрать рога и вернуть память, Касси нужно найти собственный артефакт - плазмодий шестого класса опасности. Но правда о том, кем она была, может оказаться страшнее любой иллюзии.

© Терехов А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Эпистемологический анархизм	8
Глава 1. Глаза - и нет им конца	9
Глава 2. В случае инцидента Бледности	14
Глава 3. Балкон	21
Глава 4. Лабораторный отбор	24
Глава 5. Обманщица и иждивенец	29
Глава 6. На том берегу	34
Глава 7. Железный лоток	37
Глава 8. Лестница	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Терехов

Кассия

Пролог

У Касси были рожки. Они поднимались откуда-то из середины головы, из чащи каштановых волос, и полумесяцами загибались к макушке.

Маленькие, аккуратные, даже красивые — ничего страшнее Касси не встречала. Под ними цвело ее лицо, болезненный гобелен синяков и ссадин. Ещё ниже смялась больничная пижама из нежно-голубого спанбонда; левая рука покачивалась в бинтах; из сгиба правой выползала трубка капельницы. Вот и все, что отражало темное окно палаты.

Рожки.

ХАХАХА.

Страх прополз по спине Касси и вздыбил волосы на затылке.

Это иллюзия, подумала она, светотень. Или грим. Нужно всего-то — нормальное зеркало.

Она дёрнулась с койки, но ноги бессильно скользнули по линолеуму, и Касси повалилась обратно. Трубка капельницы больно выгнулась в вене; рёбра пронзил штырь. Она замычала и напряглась... упала; попыталась третий раз — с тем же успехом. Мало того что Касси толком не чувствовала конечности, так и не понимала, где они, если не смотрела вниз.

Чёрным дымом взвилась мысль: паралич.

Касси затошнило от страха. Она захныкала и попыталась уговорить себя, что все поправимо. Ноги двигались, хоть и очень плохо, и куда хуже были новые части тела.

Непредвиденные.

Потолок вспыхнул от света с улицы, и сделалось темно. Следя за смутным отражением в окне, Касси протянула дрожащий клювик руки к правому рогу... Промахнулась. Она попыталась снова, и снова пальцы в отражении промахнулись на добрый сантиметр. Наконец Касси ощутила прикосновение в двух местах сразу — в сведённых судорогой пальцах и на бугристой поверхности ШТУКИ. Голова закружилась. Касси, как могла, завела руку за рог и со всей злостью потянула его на себя. В костях черепа заныло, ее пробил пот, но она потянула сильнее — пока перед глазами не побелело от боли.

Это был не сон.

Это был кошмар наяву.

Только недавно она готовилась в общаге к майским праздникам, к поездке домой; ругалась с Таней, мирилась с Таней и наводила чай, и наливала варенье из шишек, а потом разом начиналась эта бездушная палата... рога.

За стенкой зачавкал линолеум, скрипнула дверь. Сердце забило быстрее, и Касси долго прислушивалась. Наконец ей это надоело, и тут шаги послышались снова, приблизились — Касси сжалась в комок, — забормотали голоса. Скрипнула дверная ручка и ввалилось десятка два молодых людей в медицинских халатах. Вспыхнули лампы дневного света, и Касси зажмурилась от рези в глазах. Она попыталась сесть, но ноги не послушались, и Касси скорчилась полулёжа, боком. В ребра будто закрутили раскалённый винт.

— Кассия... Господи, назовут же... Кассия Владимировна Рейнард...

Судя по разношерстным рюкзакам, перед нею были студенты. Врач или преподаватель, чуть старше, но очень красивый, небрежно просматривал больничную карту:

— ... перелом двух рёбер, резаная рана предплечья... ушиб... ушиб... порез... букет порезов и ушибов. Кровоизлияние в лобной и затылочной долях... букет. — Он натянул дежурную улыбку и впервые посмотрел на Касси.

Она покраснела.

— Кассия Владимировна? — голос врача звучал громко, с расчетом на глухого или туго слышащего человека. — Вы в центральной районной больнице города Магадана, в неврологическом отделении. Меня зовут Григорий Константинович, я возглавляю мультидисциплинарную бригаду. Мы будем поднимать вас на ноги. КАК ВАШИ ДЕЛА?

— Мм...

Фразы врача падали будто камни и бились на осколки, каждый из которых вызывал мучительное оупение. Магадан? Неврологическое отделение?

Что Касси здесь забыла?

Он подождал и еще повысил громкость:

— ЧТО-ТО СЕЙЧАС БЕСПОКОИТ? ГОВОРИТЬ МОЖЕМ?

Касси напряглась и выдавила сипло, натужно:

— Р-га!

Григорий Константинович, казалось, немного смутился.

— Да... кхм, ну, они довольно симпатичные.

— Снимите с м-меня...

Он поморщился, как от назойливой мухи.

— Благодарите Бога за юный возраст и пластичность мозга...

— В-вы специально м-меня пугаете?

— ... и хуже бывает, если вылететь на машине с моста, а потом из машины.

— Снимите их! — Касси почти выкрикнула это, но он только зевнул, и она прошептала, едва не плача, как человек за стеной: —Пожалуйста, просто снимите их!

Его тон был снисходительным, как будто она была маленьким идиотом:

— Думаю, вам нужно обратиться к тому хирургу, который делал имплант... Меня интересует, что не можем взять у вас анализы. Все, кхм... минерализуется.

— Кристаллизуется.

Он уставился на неё с легкой досадой, и Касси почувствовала торжество.

— С-сколько на выздоровление?

Григорий Константинович разблокировал свой телефон и полистал там календарь.

— Сейчас март... ну, минимум до следующего сентября.

— Сейчас май, — неуверенно возразила она и с подозрением посмотрела в окно. На стекле мокрый снег лепил монохроматические узоры.

— Март. — Он потёр лоб. — Год, вы, надеюсь, помните?

— Май. Две тысячи девятнадцатый.

Григорий Константинович оглянулся на студентов, которые тихо зашушукались, и задумчиво потер бровь.

— Кассия Владимировна, сейчас март две тысячи двадцать первого. По документам вам двадцать один год. Вы учитесь в институте им. Барченко.

Она улыбнулась и покачала головой.

— Я в Орджоникидзе.

Григорий Константинович щелкнул ручкой и снова что-то пометил в карте. «Амнезия, — донеслось из толпы студентов. — Ретроградная».

— Вы считаете, нам хочется вас обманывать? — спросил Григорий Константинович.

Касси не ответила. Она смотрела в пол, голова у неё кружилась.

Два года не могли кануть как в Лету. Разве это возможно? Года не исчезают просто так, не растворяются в воздухе.

Она пыталась осмыслить эту пропасть и не могла.

Часть 1. Эпистемологический анархизм

Глава 1. Глаза - и нет им конца

Полгода спустя

В зените июля Касси сошла с поезда в столице. После больницы она плохо переносила жару, и голова кружилась. Духота, толпа... Люди не помещались ни на перронах, ни перед кассами, ни на эскалаторах. Потные тела свешивались с парапетов и поручней, наседали и расталкивали друг друга по раскаленному зноем городу. Никто в нем не жил там, где работал, а тем более там, где хотел; лица, обесцвеченные светом телефонов, казались одинаково равнодушными, безучастными, иссушенными бешеным ритмом.

Мокрая как мышь, Касси доехала на метро до Девичьего Поля и около полудня углубилась во дворы. Здесь не было ни души — красота! Над улицей нависли старинные дома, угрюмые и тяжелые, непривычно высокие после Огневки. На востоке над ним вырастала исполинская фигура Ленина, венчавшая Дворец Советов, таящая в облаках. Солнце поднималось все выше и припекало, невымытые волосы чесались под шапкой.

Касси добралась до перекрестка, на углу которого высилось серо-желтое здание вековой давности.

УЛ. ПИРОГОВСКАЯ

11

Стены его прятались в бахrome летней зелени, на углу между флигелями поднималась башня: раздирала небо, блестела стеклянным куполом. Асфальт нагрелся, и воздух над ним шёл волнами. Касси прошла вдоль забора в поисках входа — один раз, другой. Во рту пересохло.

— Барашек потерялся? — раздалось позади.

Ее кольнуло раздражение. Она обернулась и сначала увидела темно-синюю машину с открытым верхом, совершенно нелепую в центре Москвы, а потом — парня за рулём. Лет двадцати пяти, лохматого, в расстегнутом медицинском халате.

Касси парень показался хорошеньким. Не как Олег из ее геолого-разведочного, и не Шурик из Огневки, Шурик... опять ее понесло... и не как Григорий Константинович, тот врач в больнице...

В одной руке парня исходил паром стаканчик кофе, другая чесала и без того непослушные волосы. Лицо его казалось расслабленным, скужающим, отбеленные зубы слепили, и только взгляд за круглыми очками пристально изучал Касси.

— Что, простите? — сухо спросила она.

— Ты похожа на барашка, отбившегося от стада.

— Эм-м... — Касси растерялась, не зная, как на это ответить.

Они помолчали, разглядывая друг друга. Халат парня при внимательном рассмотрении оказался непростым: с воротником-стойкой и темно-синей подкладкой. Рок-звезда среди медицинских халатов. Под ним белела рубашка с двумя галстуками: темно-синим и черно-желтым, в горошек.

У Касси зарябило в глазах.

— Ты в Культу? — спросил парень.

— А?

— Культура. — Он кивнул на здание с башней.

— Что-что? Простите, что?

— Оккультка. Нечестивые. Культура.

— Б-Барченко?..

— Что-то ты неуверенно говоришь.

Касси не была уверена, что Институт оккультных исследований имени Барченко вообще существует, но решила промолчать.

— Там со двора. Сейчас отведу, — сказал парень. Касси зачем-то запротестовала:

— Я сама, спасибо.

— Уверена? — Он вылез из машины и стал возиться, пытаясь одновременно держать кофе и пикнуть сигнализацию. На босых ногах непрошеного гида красовались вьетнамки. Еще он был высоким, классно высоким, головы на полторы выше Касси. А ведь высокие парни всегда лучше, чем низкие.

Касс вспомнила, что надо ответить, и выдавила: «Н-нет»

— Подержишь?

Он протянул ей стаканчик, но руки, как всегда после аварии, кровоизлияния и реабилитации, подвели Касси — пальцы дрогнули, и кофе полетел на асфальт.

— Ай!

— Вот жешь! — Парень отскочил, когда кофе выплеснулся на его вьетнамки. — Плакали мои тапочки от Джимми де Сика. Ты что, каши не ела?

— Я... извини... Прости!

Касси почувствовала, что ее лицо пошло пятнами, но парень не выглядел расстроенным. Скорее, его это позабавило.

— Ладно, теория катастроф и плохой кофе. Невоспитанный кофе, — он погрозил луже пальцем, отряхнул брюки и повел сгоравшую от стыда Касси переулками.

Во двор здание института выходило глубоким балконом: с окнами до пола, с четырьмя колоннами и ажурной оградой. Под ним раскинулся небольшой сад, где на солнце плескался фонтан. В центре его грек из белого мрамора пытался выбраться из пут гигантского мраморного змея, но, судя по вытаращенным от натуги глазам, безнадежно проигрывал. Змей исторгал воду. Грек исторгал воду. По бокам от фонтана и дорожек копиями торчали алые, фиолетовые и бледно-желтые розы.

Парень пролез под шлагбаум и торжественно показал на дверь под балконом. По бокам ее скалились львиные морды и изгибались фонари под XIX век. В тени стояла девушка с розово-синими волосами: посасывала вейп и листала что-то в смартфоне.

— Та-дам! Дальше разберешься, барашек?

— Я не барашек.

Он подмигнул и скрылся внутри.

Касси умылась водой из фонтана. Стало чуточку легче, и, взбодрившись, она подошла к двери института. Розово-синей девушки уже не было, только витал сладковатый запах вейпа. За колонной поблескивала металлическая табличка с гербом и выцветшими буквами: «ФГБНУ «Научно-исследовательский институт по изысканию и апробации оккультных и метафизических технологий имени А.В. Барченко»». На гербе доминировала ладонь, посреди неё чернел глаз с языками пламени снаружи и готическими буквами IRO внутри зрачка. Под логотипом курсивом выгравировали что-то на латыни: «Nihil verum nisi mysterium».

И черный глаз в огне, и надпись «IRO» показались Касси знакомыми, но она не предала этому значения и прошла в предбанник с турникетами.

Охранник дотошно просветил рюкзак Касси, и ее проглотил широкий вестибюль, вымощенный шахматной плиткой. Более всего этот вестибюль напоминал нечто среднее между театром и городской площадью. Стены выкрасили в бирюзовый; до третьего этажа тянулись белые колонны, сменяясь галереей на самом верху. Через стеклянную кровлю, изогнутую кривой каплей, лился солнечный свет. Было пыльно, безлюдно и душно.

Следуя указаниям охранника, Касси двинулась по лабиринту коридоров и лестниц. Вне атриума было темновато: свет закрывали монументальные окна с толстыми деревянными

решетками, больше похожие на окна тюрьмы или психиатрической лечебницы. Между окнами тускло поблёскивали электрические бра, оформленные под канделябры со свечами.

Мелькали таблички: «Лаборатория кристаллокинетики», «Лаборатория по исследованию мест массовых убийств», «Лаборатория гуманизированных жертвоприношений». У Касси возникло стойкое ощущение, что ее снимают для какого-то шоу скрытой камерой.

Минут через десять она уперлась в тупик с синим огнетушителем, но тут из боковой двери — видимо, на лестницу, — показался давешний парень.

— Так и думал. Ты не туда свернула, — невозмутимо сказал он и поманил пальцем.

Они куда-то поднялись, куда-то свернули и вышли к открытой двери деканата. Порог ее шлагбаумом перекрывала парта. Внутри дох от жары обычный кабинет и сидела та девушка с розово-синими волосами — она печатала на компьютере и весело болтала ногой. На футболке у неё улыбался неоновый котик.

— Марина Петровна, я привел к вам юного падавана, — сказал парень и патетически показал на Касси. — Можете называть ее «барашек».

Касси закатила глаза, девушка даже не улыбнулась.

— Лев Васильевич, там для вас анкеты принесли... — она показала рукой на стол в дальнем углу кабинета и сделала что-то волнообразное пальцами.

Парень ринулся туда, тут же забыв о Касси, и той ничего не оставалось, кроме как протискиваться мимо парты.

— Вы, простите, слепая? — спросила девушка.

Касси в растерянности отступила.

— А?

— Парту не видите?

— А... отличная парта.

— Это шлагбаум, уважаемая. Красная линия.

Они помолчали.

— Я не понимаю, что вы от меня хотите, — призналась Касси и удостоилась скептического взгляда.

— Вы что, проспали последний год? Эпидемия, невидимая смерть... микоз.

Касси досчитала до трёх и постаралась объяснить ситуацию: авария в Магаданской области, кровоизлияние, больница. Не пересекая парты. Лев Васильевич, копавшийся в анкетах, искоса поглядывал на неё сквозь очки и делал вид, что не слушает, но, очевидно, слушал.

— ... так что у меня пока память не восстановилась, — подвела итог Касси. — И я не помню ни эпидемии, ничего. И не помню, как получилось, что вместо своего универа, геолого-разведочного, я теперь почему-то числюсь в ВАШЕМ. Понимаете?

— Все, достаточно. — Девушка подняла ладошку, останавливая монолог Касси. — Не то чтобы я знаю, как это делается, но в этой шикарной программе есть кнопочка «Восстановить студента». Сейчас я на неё нажму и...

Девушка кликнула мышкой и наклонилась к экрану компьютера, едва не упираясь в него носом.

— Как же я не люблю все эти навороты...

— Я бы хотела восстановиться в своем геолого-разведочном, — осторожно сказала Касси.

Девушка не поняла:

— Где-где?

— Геолого-разведочный. Орджоникидзе. Я поступала туда и хотела бы...

— А я хочу пончо, как у Демиса Русоса. — Девушка защелкала в телефоне, будто гуглила, как восстановить студента.

Тап-тап-тап. Тап-тап-тап-тап.

«Демис Русос».

Странное дело, по голосу и поведению девушке было лет пятьдесят, но лицо не тронули ни морщинки, ни пигментные пятна. Даже веснушек — и тех не было.

— Вы меня слышите? Я хочу в Орджоникидзе.

— Сколько звуков...

— Вы можете меня просто исключить?!

Девушка откинулась на спинку и посмотрела на Касси так, как, наверное, смотрят на грязь, прилипшую к подошве.

— Уважаемая! Всех студентов утверждает Министерство раз в семестр. Исключает оно же. Для решения собирается трибунал, тоже раз в семестр. Ради вас он собираться не будет. Не говоря о вопросе финансовом...

— Мне нужно в геолого-разведочный! Я там училась, я туда поступала!

— Барашек, это целевое обучение, — не глядя на неё, заметил Лев Васильевич. — Если ты не готова возвращать государству по четыреста тысяч за семестр, то лучше доучись.

От его слов сделалось нехорошо.

— Да что вы, издеваетесь? У меня память отшибло! Я не хочу здесь... мне не надо!..

Розово-синяя девушка зевнула. Лев Васильевич пожал плечами.

Касси мысленно зарычала. Устала рычать. Еще порычала, понимая, что это бесполезно.

— И что мне делать?.. — она всплеснула руками.

— Документы на парту, — невозмутимо ответила девушка.

Касси поморщилась, но выложила пачку из рюкзака. Розово-синяя особа забрала ее, отсканировала и что-то долго печатала в компьютере.

— Рейнард... У вас Лаборатория Яворского.

— «Поиск и разведка». — Лев Васильевич кивнул со знанием дела.

— Так, почти все. — Девушка нарочито стукнула по клавише «enter». — Осталась справка из МВД и плазмодий.

— А? — Касси насупилась.

— Справка и плазмодий, уважаемая.

— Я не понимаю, о чем речь, — раздраженно ответила Касси. — Я поступала в обычный универ, в котором требовались обычные документы, а не...

— Тихо-тихо-тихо. — Лев Васильевич подошел и поднял руки, призывая к спокойствию. — Можно мне ту замечательную выписку из той замечательной магаданской больницы?

Последнее относилось к сотруднице деканата. Касси хотела возмутиться, что ее выписку из больницы дают постороннему, но потом плюнула и глотнула воды. Поболтала шунгитовый камушек в бутылочке. Приложила мокрый от конденсата пластик ко лбу.

Стало чуточку легче.

— Последствия инсульта? — спросил Лев Васильевич мягко.

Касси немного с вызовом ответила: «Геморрагического».

Он закрыл папку с документами, задумался.

— Пойдем, юный падаван. Я разберусь, Марина Петровна.

Касси развела руками, но поняла, что опять следует за ним. Ее начинало это злить.

— Тебе не жарко? — спросил Лев Васильевич.

— А?

Он показал на голову. Касси сглотнула и буркнула «люблю шапки».

— Тепловой удар. Знаешь такое?

— Что за символ на гербе вашего института? — Она показала на транспарант какой-то научной конференции.

— Мне смотреть на тебя жарко.

— Солнце на гербе... что это?

— Чёрное солнце, — как само собой разумеющееся ответил Лев Васильевич и добавил, видимо, на латыни: — *Demon est Deus inversus*.

Касси постеснялась спрашивать, что это значит. Они поднялись на два этажа, миновали длинный коридор и вошли в круглую аудиторию. Венчал ее стеклянный купол, снаружи виднелись деревья и крыши домов. Ярусы деревянных сидений спускались к центру, где доминировал большой стол, крытый белой простыней. Шаги эхом отдавались в куполе. Полуденное солнце отбрасывало тени на стены.

Аудитория крайне напоминала анатомический театр, и Касси сделалось дурно. Тут Лев Васильевич позвал ее, и пришлось спускаться за ним — по непривычно высоким ступенькам. Операционный стол был очень чист, будто последние операции проводили ещё век назад.

Лев Васильевич достал из-под халата тяжелую борсетку, вынул пинцет из ее торца и стал копаться внутри.

Касси невольно придвинулась, когда он положил на простыню каменную пластинку — толщиной не больше ногтя, но крайне искусно сделанную. Так искусно, что Касси подумала о лазерной резке: на фоне сине-зелёного флюорита, похожего на запотевшее стекло витражей, застыл зверёк из матово-белой плесени. Он был круглый и пушистый, глаза — огромные, конечно, тоже флюоритовые.

— Ну круть, — пробормотала Касси. — Лазерная резка по камням?

— Напиши на нем сзади уравнение, — сказал Лев Васильевич и протянул мелок.

— А?

— Много не надо... скажем, $y=2xx + 7x + 19$.

Касси нахмурилась и, чувствуя себя полным идиотом, выполнила просьбу.

— Теперь смочи его, — он кивнул на бутылку.

— Зачем?

— Так надо.

— Мм. Это как-то со свойствами минерала связано?

— Смочи, — повторил Лев Васильевич и взлохматил свои и без того хаотичные волосы.

Касси вздохнула и выполнила его просьбу. К ее изумлению, белый пушистик моргнул.

— А... как?..

Зверек посмотрел на Касси с любопытством, высунул язычок и слизнул каплю воды с ее пальца. Касси охнула и уронила пластинку на операционный стол.

— Что за?..

Шарик снова моргнул и искоса посмотрел на нее. Глаза его светились все ярче и ярче, будто флюоритовые фонари.

— Что это?! — крикнула Касси, прикрываясь рукой от ослепительного сияния.

Послышался стеклянный звон, похожий не то на смех, не то на шепот.

— Светяшка.

— Какая еще СВЕТЯШКА?!

— Метафизическая. Высвечивает то, что существует за пределом нашей онтологической реальности. У тебя же просили плазмодий?

Странный звон послышался вновь, и теперь Касси отчетливо поняла, что это был смех. Она заозиралась в растерянности... остолбенела.

Там, где стеклянного купола касались флюоритовые лучи, его покрывали глаза и рты, десятки, сотни глаз и ртов, они подергивались, кривились и бормотали.

Они моргали, шептали, смеялись.

Над ней.

Глава 2. В случае инцидента Бледности

Рты корчились, пучились глаза, и Касси посмеялась бы, если бы их не было так много. Если бы взгляды сотен глаз не засасывали ее куда-то... куда-то...

Касси передернуло, она с трудом повернулась ко Льву Васильевичу.

— Там... — челюсть свело, слова едва протискивались наружу, — что-то... такое!

— Что-то? Ты про купол?

— Оно смотрит на меня?..

— Моя невеста сказала бы, что онтологически здесь будет вернее «Они» или даже «ОнЕ».

— Оно смеется?..

— Ну, возможно все. Вообще «Оне» слишком много видели, — невозмутимо ответил Лев Васильевич.

Холодная дрожь пробежала у нее по спине, Касси моргнула и попыталась урезонить себя. Это было невозможно. Живых куполов не существовало. Живых каменных пластинок — тоже. Она, должно быть, устала, или перегрелась, или мозг ее чудил после кровоизлияния. Или она была единственная здравомыслящая в этом сумасшедшем доме.

Непослушными пальцами Касси открыла рюкзак и зарылась в упаковки таблеток — она предусмотрительно разложила их по полиэтиленовым пакетам со стикерами «утро», «день», «вечер».

— Да где же?..

Тень Льва Васильевича накрыла ее, сказала что-то над ухом.

— А? — переспросила Касси.

— Говорю, главное, не вслушивайся. Хуже, когда понимаешь, что именно оне говорят.

— Оне?

— Первый-первый, я второй. — Лев Васильевич помахал у нее перед носом рукой.

— Да-да.

Касси наконец достала пакетик «Цераксона», надорвала и выдавила в рот. Ноздрей коснулся запах клубничной отдушки, языка — химозная сладость.

Привычная.

Тошнотворная.

— Барашек?

Она не ответила и выдавила в себя еще один пакетик. Бесноватые рты на стеклянном куполе продолжали хихикать и шептать.

— Барашек, ты меня пугаешь.

— Просто устала. — Касси примирительно улыбнулась и постучала пальцем по виску. — Сейчас должно подействовать.

Лев Васильевич нахмурился, вытянул руку и больно ущипнул Касси за плечо.

— Ай! Какого фига?

— У тебя не галлюцинации.

— Больно!

— Именно поэтому тебе и больно.

Касси снова примирительно улыбнулась.

— Стеклообразные куполы не хихикают. Зверей из плесени не бывает. В оккультные НИИ не переводят обычных студенток из геолого-разведочного.

Лев Васильевич снова вытянул руку и ущипнул ее.

— Да!.. Какого!.. — она едва не пнула его. — Мне больно!

— Потому что ты в бытийственной реальности. Включи, хотя бы на время, простое эмпирическое познание.

— Какой? Какое?! Такое, что... — Касси не договорила. Она всегда гордилась тем, что была рациональным человеком, скептиком, что не верила в привидений, НЛО, камни — кроме тех, чьи свойства упоминались в научных статьях. Касси всегда немного посмеивалась над мамой, над ее алтарями, шалфеями, друзьями...

А теперь?

Касси подняла взгляд. Стекло купола очистилось от ртов и глаз, и ей стало чуточку легче. Светило солнце, на сцене анатомического театра дрожали тени листвы. Белый зверек с каменной пластинки направил флюоритовый луч вбок, и в нем кружились фиолетово-зеленые пылинки. Несмотря на обстоятельства, зверёк был милый и, пожалуй, вызывал у Касси меньше всего вопросов.

— Ты из 1 % людей с иммунитетом к *Physarum nigricephalum*. — Лев Васильевич говорил мягко и медленно, как психолог в больнице. — Ты можешь использовать плазмодии, а не бояться системного микоза.

Он показал на зверька из плесени.

— Ага?

— Да, я все поняла. Иммунитет... Микоз. — Касси решила не добавлять, что ждёт действия Цераксона, и выдавила улыбку.

Лев Васильевич задрал рукав халата, посмотрел на часы.

— Послушай, скоро подойдет моя очередь на томограф... вернемся в деканат, и я поговорю, чтобы тебя восстановили в мою лабораторию. Не стану скрывать, лаборатория у меня молодая, ну и сам я, кхм, молод...

— Не надо.

Лев Васильевич замер, взлохматил свои волосы, и Касси заметила мелкие шрамы на его руках — десятки маленьких точек, похожих на ожоги.

— В смысле?

— Спасибо, я сама, — сказала Касси.

Они молча смотрели друг на друга. Глаза у него были золотисто-коричневые, глубоко посаженные. Очень пристальные.

Лев Васильевич первым отвёл взгляд и указал на белый кругляш.

— Ну зарегистрируешь его, тебе все равно...

— Нет, спасибо, — перебила Касси.

Голос Льва Васильевича чуть задрожал, выдавая раздражение хозяина:

— Барашек, у тебя какой-то пунтик. Этот замечательный беляш теперь твой. Хочешь ты этого или нет.

— Нет, нет, нет, — вежливо повторила Касси. — Ни в коем случае.

Лев Васильевич постучал по плесени, и зверек неодобрительно нахмурился, светя в белый халат.

— Он — твой!

— Ты ненастоящий. — Касси покачала головой и повернулась корпусом в сторону от собеседника. — Ты просто галлюцинация. Плод моего воображения. Я подожду, пока ты исчезнешь.

— О, серьезно?

Рука Льва Васильевича ущипнула ее в третий раз. Касси подпрыгнула от неожиданности и закричала:

— Да отстань от меня!

Она почувствовала прилив паники, схватила рюкзак и кинулась к двери, не обращая внимания на Льва Васильевича. В коридоре Касси побежала так быстро, как могла. Споткнулась, ударилась о стену... еле удержалась на ногах. Она не заботилась о направлении — просто хотела скрыться от странного Льва Васильевича, от хихикающего купола, от всех галлюцина-

ций, что проламывали стенки ее черепа и вырывались наружу. Касси повторяла эту мантру снова и снова, пересекала безлюдные коридоры со светильниками-свечами, сбегала по мраморным лестницам. Она пронеслась сквозь снопы света из зарешеченных окон, ныряла в переходы и закутки. Воздух был спертым и тяжелым, жара — невыносимой.

Мелькнула табличка туалета. Касси толкнула дверь в дамскую комнату и прикрыла за собой. Выдохнула.

Это была стандартная уборная, разве что лишённая окон. Искусственный свет плафонов резал глаза и сверкал на белых плитках обманчивой чистотой.

Касси заперлась в одной из кабинок, села на крышку унитаза. Закрыла глаза и попыталась успокоиться.

Это просто галлюцинация.

— Это ненастоящее, это ненастоящее, это ненастоящее.

Звук собственного голоса был чем-то реальным, осязаемым. Пахло хлоркой, туалетом. От крышки унитаза холодило ягодицы.

Касси выдохнула и подняла веки. Кабинка поначалу показалась обычной, но потом Касси заметила стоки на полу. Дверь запиралась изнутри на непривычно мощный замок, над которым висела красная табличка.

В случае ИНЦИДЕНТА бледности:

- 1. Переведите замок в крайнее левое положение.*
- 2. Сядьте на пол между унитазом и стеной и закройте голову руками.*
- 3. Не отвечайте, если слышите чей-то голос.*
- 4. Не смотрите в зеркальные поверхности.*
- 5. Дождитесь выключения системы оповещения.*

Дрожь пробежала по телу Касси. Она перечитала табличку и перевела замок в крайнее левое положение. Над головой вспыхнула красная аварийка, стало очень тихо и душно. Она поспешно открыла кабинку и вышла.

В зеркале над раковиной замерло ее отражение, бледное и задёрганное: джинсы, рубашка в красную клетку, серо-голубая шапка.

Шапка.

Зазеркальная Касси подняла руку и потянула шапку с потной, грязной головы, с загнутых полумесяцами рогов. Она делала это медленно, будто снимала кожу, и чувствовала странную смесь недоумения, любопытства и страха — будто ей предстояло увидеть что-то запретное.

Шапка легла в руку, рогатая девушка в зеркале осторожно выпрямилась.

Она стояла посреди туалета, смотрела на себя и пыталась доказать себе же, что Институт Оккультных исследований, в который ее зачем-то перевели, был галлюцинацией, как и ее рога.

Тщетно.

Придя в себя, Касси поплутала по Культе и вернулась в деканат. По сравнению с туалетом и куполом это был островок нормальности: успокаивающе гудел вентилятор, клацала клавиатура, бормотало радио. Розово-синяя Марина Петровна, цветная аномалия в бесцветной клетке столов и бумаг, казалась гораздо моложе, чем в первую встречу — лет тринадцать, не больше. При виде Касси она встрепенулась:

— Явилась — не запылилась! Лев Васильевич все ноги сбил!

— В баню Льва Васильевича, — перебила Касси. — Могу я принести эту справку... все это... позже? Когда более-менее разберусь с делами?

Марина Петровна задумалась, подняла вверх пальчик и оттолкнулась от стола. На своем крутящемся стуле она доехала до противоположного конца комнаты и, не вставая, открыла шкаф.

— Про сроки... лежало... лежало... лежало-убежало...

Марина Петровна зарылась в горы папок. От усердия из ворота рубашки выскользнула камешка на цепочке. Это был женский профиль, покрытый той же белой плесенью, что и пластинка Льва Васильевича: половина — из розового кварца, половина — из голубого топаза. Обычно такие вещи носили женщины «за полтинник», и Касси вяло удивилась несоответствию.

С улицы несся гул машин. Волны тепла исходили от бетонного языка дороги вниз и изгибали воздух. Изнуряющая хватка лета просачивалась сквозь окно, сдавливала виски. Касси почувствовал, как из-под шапки скользнула капля пота и, дразня, пробежала по щеке.

— Ну, допустим, можно. — Марина Петровна вытянула губы трубочкой и посмотрела на Касси. Выглядела работница деканата не очень уверенно, будто так и не нашла документ, который искала. — Крайний срок — до конца сентября. Мы на вас всех подаём документы в Министерство, мне лишних проблем не надо. А плазмодий... Лев Васильевич оставил ваш.

Она небрежно показала на угол своего стола, где на флюоритовой пластинке матово белел зверек из плесени. Тот больше не светил глазами и лежал без движения, будто все, что было в анатомическом театре, привиделось Касси.

— Э-э-а... это Льва Васильевича. Не мое.

— Что вы лепечете?

— Не мое.

— Про сопряжение забыли?

Касси не поняла, о чем речь, и не очень хотела понимать.

— В баню сопряжение. В баню плазмодий. В баню Льва Васильевича.

Марина Петровна перевела недоверчивый взгляд с Касси на зверька, со зверька — на Касси, закрыла шкаф и прикатила обратно к компьютеру.

— Как я от вас всех устала. — Она забавно почесала ручкой волосы. — Ну что я могу сказать? Осталось выбрать лабораторию.

— А?

— Ваша лаборатория у Яворского недоступна, так что... — Розово-синяя Марина Петровна защелкала мышкой. — Давайте-ка посмотрим ваш отборочный тест...

Ее тонкие пальцы затанцевали по клавиатуре с легкостью и скоростью, которая могла только снится Касси после аварии.

— Я фигею, наша дорогая редакция. Почему у вас теста нет? — Марина Петровна недоверчиво посмотрела на Касси, но, прежде чем та придумала ответ, подняла трубку городского телефона и набрала короткий номер. Потянулись гудки. — Пройдете новый. Делов-то.

Наконец ей ответили. Она сказала «алло» и «у меня индивид выискался», ей что-то ответили сквозь шум помех, и девушка с досадой повесила трубку.

— Завтра к двум. Кабинет сто двадцать первый.

Касси пожала плечами и отпила шунгитовой воды из бутылочки.

День предстоял быть долгим. А ночь...

— Мне нужно переночевать где-то, — осторожно проговорила она и минуты через две недоуменно уставилась на памятку, где стройными рядами шли многочисленные справки.

Заселение в общежитие иногородних обучающихся проводится в срок с 26.08.2021 по 10.09.2021.

Обучающийся, нуждающийся в жилом помещении в общежитии, подает в администрацию ЗАЯВЛЕНИЕ о предоставлении жилого помещения, подписанное главой лаборатории, проректором по МП и ВД с приложением следующих документов:

- * Паспорт;*
- * справка из полиции по форме 06-44Вв;*
- * справка о врожденном или приобретенном иммунитете к *physarum nigricepalum* по форме 073_2/у*
- * 2 фотографии 3Х4 см.;*
- * Медицинская справка о здоровье и наличии прививок, флюорография. Заключение дерматолога и терапевта;*
- * справка о составе семьи с указанием родства и датами рождений;*
- * выписка из домовой книги;*
- * справка о заработной плате родителей, декларация о доходах или выписка из ЕГРИП для индивидуальных предпринимателей, иные документы, подтверждающие материальное положение семьи;*
- * справка об успеваемости, подписанная главой лаборатории (при наличии).*

Чтобы подготовить такую кипу бумаг, надо было вернуться в Огневку, поговорить с мамой, отчимом...

Касси застонала.

— А если я уже жила в общежитии?..

— Это ваши проблемы.

— Нет, я... могло что-то остаться?

— Вы не знаете, где ваши вещи?

— Не помню. — Касси улыбнулась с виноватым видом. — Авария, кровоизлияние... Я уже раз десять об этом говорила.

Марина Петровна вздохнула, снова куда-то позвонила и выдала инструкцию в духе «спуститесь на этаж, поверните налево и ищите кабинет в углу». Касси спустилась, повернула, нашла сонную женщину-коменданта лет сорока. Та механически обмахивалась веером, им же она показала на чёрный мешок в углу, как для трупов. У Касси замерло сердце, но это оказалась ее старая одежда: зимняя куртка, зимние ботинки, перчатки, шарф. На дне, среди разношенных балеток и футболок, лежал складной самокат. Под ним — пакет с трусиками, пакет с колготками, пара бюстгалтеров. Начатая упаковка прокладок.

Ничего необычного, ничего полезного для знакомства со своим прошлым... со звоном что-то вывалилось из шарфа. Это оказался набор скальпелей и медицинских перчаток.

Касси растерянно подобрала их и сунула в трусы.

Не на медицинском же она училась?!

Поблагодарив коменданта, Касси допила воду в бутылочке, потрясла шунгит на дне и понуро направилась к выходу из «Культи».

Усталость от дороги вдруг навалилась на неё. Эти три дня в трясущемся поезде, в летней жаре без душа и нормальной еды, в четырёх стенах с людьми, которым непременно надо поговорить, спросить о неснимаемой шапке, о трясущихся руках и таблетках, о горе таблеток... Касси взвесила свои шансы дойти до метро и, выйдя наружу, без сил опустилась на бортик фонтана.

Журчала вода, капли сверкали в воздухе, как бриллианты. Слабый ветерок ласкал лицо и волосы, идти никуда не хотелось. Касси закрыла глаза и несколько блаженных минут наслаждалась брызгами и прохладой.

— Девушка, все нормально? — раздался голос охранника. — Что-то вы бледная.

Ей не хотелось отвечать, но из вежливости она сказала:

— Н-ничего, просто устала, — со вздохом открыла глаза и направилась в ближайший салон связи.

Она попыталась восстановить старую сим-карту, потерянную после аварии, но та, к удивлению Касси, оказалась зарегистрирована на другого человека. Касси предположила папу, угадала, но номер ей все равно не вернули. Тогда она купила новую симку и простенький телефон за 300 рублей. На автомате, борясь с тремором, Касси принялась нажимать кнопки. Лишь на середине она остановилась — когда поняла, что набирала не мамин номер.

8 968 656...

— Да ла-а-а-адно?..

Касси с минуту разглядывала цифры, но мысли скакали с места на место, будто белки в поисках орешка. Она понятия не имела, ни кому собирались позвонить ее пальцы, ни последние четыре цифры. Не всякий случай Касси сохранила контакт под именем «Амнезия 1» и задумалась.

Нужно было хоть где-то переночевать. Все равно где.

Касси стиснула новый телефон, открыла цифровой набор, вбила номер Тани, соседки по общежитию из родного геолого-разведочного... стерла. Вбила вновь...

Звонок сбросили. Касси в растерянности уставилась на экран, затем повторила попытку.

Горло будто перекрыло сырой картошкой, наконец гудки оборвались, и Касси выпалила:

— П-привет! Ты чего трубу не берёшь? Привет?!

В телефоне так долго шумел ветер, что она устала держать сотовый. Наконец Таня спросила:

— Кто это?

— Касси. Безумный геолог. Ля-ляля! Не ты говорила, что всегда узнаешь мое противное сопрано?

В трубке помолчали.

— Как дела?

Вопрос был тупейший. Касси втянула носом воздух и попыталась звучать мило:

— Послушай, я в городе, тут... ну, можно у тебя переночевать? Через гостевой пропуск или еще как?

В душе Касси надеялась, что Таня будет рада ее приютить, но голос бывшей соседки похолодел:

— У меня однокомнатная квартира.

КВАРТИРА?

— А?.. — Касси зачем-то сделала вид, что не услышала.

— Одна комната, Кассюх, одна кровать. Я все понимаю, но мне негде тебя положить.

Касси подумала, что на одной кровати вполне могут разместиться двое и что в хорошее место обычно не «кладут», но интуиция подсказывала смолчать. Она же подсказывала, что любой вариант будет лучше, чем возвращение в Огневку.

— Я серьезно. Танюх?..

— Послушай, я все понимаю, но ты не можешь пропадать на несколько лет, а потом звонить и издеваться.

— А? — Касси вспыхнула.

— Так не делают.

— Таня...

— Так не...

— Стой!

— ... поступают нормальные люди.

— Стой, дура!

— Я стою! Дура! И зачем-то трындю с тобой, хотя не понимаю зачем!

Касси зажмурилась, сама взяла телефон двумя запястьями, пользуясь ими как пассатижами, как пользовался бы человек без кистей. Ухо горело огнём.

— Тань, я ничего не помню. Геморрагический инсульт после аварии.

— Потрясающе.

— Я не шучу! Где-то два года — как отшибло. Последнее, что я помню: мы живем в комнате 303 корпус 2 и учимся на прикладной геологии. Собираемся на майские...

В трубке оглушительно грохнуло, будто тяжёлый предмет свалился в металлический короб. Пшикнуло, булькнуло — Касси догадалась, что подруга купила что-то в автомате с напитками. Наконец Таня хрипловатым от влаги голосом произнесла:

— Ты живешь где угодно, но не в общежитии.

— Давно?

— Ох ты ж... Зачем я вообще с тобой говорю?..

— Тань, я правда не помню! Я еле держу телефон. Стою еле-еле.

Соседка извинилась перед кем-то, донёсся звук светофора. Он мерно отсчитывал секунды перехода.

— Ты перевелась на целевое обучение... — уже мягче сказала Таня. — После тех майских в девятнадцатом. Ты ещё домой постоянно моталась... И съехала. Мы с тобой не общались до сейчас.

Касси попыталась состыковать это в голове, но получалось плохо. Она помнила, как ещё недавно пила чай с Таней. В общежитии. На треснутом блюде лежало варенье из шишек, и Касси елозила в коричневатом сиропе алюминиевой ложкой.

Это было так близко в памяти и так далеко на временном отрезке в реальной жизни, что пропасть вызывала тошноту.

— А в-виделись?

— Какая разница?

— У меня кое-какие изменения во внешности.

— Короче, ты беременна?

— Фу, нет, я... — Касси воочию представила комбинацию: свои рога и круглый живот.

— Ты бы сказала, если бы заметила что-то?

Таня помолчала. Из динамика послышался гудок машины.

— Нет, я тебя не видела, Кассюх. Ты не появлялась на факультете, не звонила, не отвечала на звонки. Тебя после тех майских как околдовали.

Касси не знала, что ответить, и потёрла лоб трясущейся рукой.

— Слушай, Танюх... — начала она.

— Ну?

— А балкон у тебя есть?

Глава 3. Балкон

Был уже поздний вечер, когда Касси вытолкалась из метро и вошла в металлическую клетку фуникулера. Она ощутила толчок кабины, плюхнулась на сиденье и изо всех сил вцепилась в рюкзак. Внизу потянулась безмолвная лента реки, и в темном зеркале вод догорали фиолетово-красные всполохи заката. Окна пригородных высоток впереди блестели тускло и печально; вышки-опоры канатной дороги пронзали синеющий воздух. В этом была какая-то печальная, щемящая красота, и Касси прижалась бы лицом к стеклу, если б не было так страшно.

Фуникулёр погромыхивал и вздрагивал на опорах, ярко-красные аварийные огни провозжали ее от вышки к вышке. Далеко внизу распласталась река, потом ее сменили темные вспушки леса, освещённые мертвенным светом прожекторов.

Касси, измочаленная жарой и безумным днем, постепенно успокоилась и прикрыла глаза.

Когда она их открыла, мужчина с сиденья напротив тряс ее за плечо. Кабинка была на уровне земли и заворачивала на новый круг.

— Девушка, вы заснули.

— А? Спасибо...

Касси ошарашенно заозиралась и вышла из фуникулера, со станции. Вокруг уходил в ночь многоэтажный пригород: тьма, неон и бетон. Высотки вздымались над узкими улочками, как гигантские надгробия, не оставляя места для деревьев, парковок и людей. Лаяла собака, ругалась женщина. В просвете между домами, будто средоточие вавилонского безумия, светилась церковь с куполами кислотно-желтого и фиолетового цвета, такими нелепыми, будто она была посвящена не православному Богу, а демону рейв-вечеринок.

Касси потеряла лицо и, следуя указаниям Тани, нашла дом 42, поднялась на пятый этаж и позвонила в крайнюю левую квартиру.

Позвонила еще раз.

— Да иду же! — донеслось изнутри.

Пулеметом застучало сердце, дверь открылась, и возникла пухловатая девушка в сером брючном костюме. Она была родом из Якутии, немного восточная в разрезе глаз. На запястье ее светились «умные» часы. Таня подняла их ко рту и проговорила:

— Сейчас, пушу тут человека...

«Человека». Касси приподняла бровь.

Таня выслушала ответ собеседника, кивнула. Крашенные в белый волосы колыхнулись от движения. Челка была такая ровная, что Касси с горечью вспомнила, как классно стриглась сама ещё пару лет назад. После больницы она вообще перестала за собой следить: из-за рогов избегала парикмахерские, из-за тремора не обрезала ногти и не брила ноги, не красилась — и давно. Иногда, если Касси уже напоминала ведьму, выжившую из ума, мама обрезала ей секущиеся концы и делала маникюр. Но даже мама не умела делать ТАКУЮ челку, как у Тани. Такую, что Касси хотелось удавиться от зависти.

— Все, давай, при встрече, — сказала Таня в часы, опустила руку и без выражения посмотрела на Касси. Лицо бывшей соседки было таким же неприветливым, как и ее голос: — Шапка зачет.

Все это время и по дороге Касси готовила речь о рогах, но тут стушеввалась и, шепнув «спасибо», последовала за Таней внутрь.

Сняла кеды, с ужасом почувствовала запах от своих носков.

— Ну... вот квартира, — Таня явно заметила запах, но промолчала. На ее губах бантиком мелькнуло лёгкое недовольство, поколебалось и растаяло.

Касси была за это признательна.

— Так чисто.

— Надеюсь, так оно и останется. Поэтому ты должна кое-что запомнить, Кассюх: это не общага. Это моя квартира. Моя. Я ее купила. И у меня несколько правил.

— А? — Касси пыталась осмыслить фразу «Я ее купила», и окончание монолога Тани дошло с задержкой.

— «Правила поведения в квартире».

— Ты купила ее?

— В ипотеку. — Таня невозмутимо достала баллончик с каким-то лекарством, потрясла им и пшикнула в рот. — Правило первое: если я в эфире, тебя не должно быть в поле зрения. НИКОГДА. Тебя нет. Ты человек-невидимка.

Вещи можно трогать только с моего разрешения. Можно смотреть телевизор, когда меня нет. Ноутбук только с моего разрешения. На кровати сидеть на покрывале. Это понятно?

Касси угукнула и попыталась запомнить все услышанное, но Таня заметно похудела, и это вызывало когнитивный диссонанс. Квартира — и того больше. За исключением бежевых стен, она ничем не напоминала комнату в общаге, где Таня пыталась воспроизвести Якутско-скандинавский минимализм, а Касси, клопы и тараканы ей активно мешали. Здесь Таня была полноправным владельцем: каталог ИКЕА соседствовал с вопиющей чистотой. Кремовые полки щербато улыбались рядами книг. Кремовый столик подпирал кремовую вазу. Кремовые занавески скрывали зеленоватое ночное небо. В углу замерли фотозонт, шикарное платье на манекене — такие бывали только у принцесс — и кремовая кровать под кружевным балдахинном.

— Это...

— Это балкон, — Таня открыла дверь в темную неостекленную коробку. В лицо Касси пыхнула струя горячего воздуха, внизу застонала сигнализация. — Сейчас не видно, но тут все засрано голубями. Не знаю, чем им так нравится у меня. В шкафу есть старое постельное белье... возьми побольше, ты... ты будешь спать на бетоне. На твоём месте я бы побыстрее разобралась с общагой.

Таня повела ее в ванную.

— Ты хромаешь, — заметила она, когда Касси едва не навернулась в коридоре.

— О... остаточное.

— Ты же, там, лечишься? У тебя все пройдет?

В голосе Тани проступило столько жалости, что Касси захотелось сбежать.

— Ещё пара недель, и буду гимнасткой в цирке.

— Да уж. Ладно, я пойду. У меня встреча с девчонками. Кира, Нина, Леля.

— А...

Это были их общие одноклассницы, теперь тоже, видимо, «бывшие».

Касси подумала, что Таня позовет ее, и стала судорожно придумывать оправдания, дабы избежать этой участи. Но у Тани оказались другие планы. Она неумолимо перечисляла кухонные правила, будто хотела, чтобы Касси испугалась и отказалась от ненаглядного балкона сама.

— Ты все поняла насчёт подстаканников? — спросила Таня под конец и протянула запасной ключ. — Есть вопросы? Возражения? Потому что, если ты не можешь или не хочешь следовать моим правилам, мне придется попросить тебя уйти. И нам лучше понять это сейчас, Кассюх. Это не общага, это моя квартира.

Касси покачала головой, чувствуя себя пленницей во враждебном лагере.

Таня кивнула с важным видом и достала из шкафчика мешок, а из мешка — белые как снег, кроссовки. Сколько помнила Касси, Таня с первого курса мечтала о таких. К ним полагался специальный шампунь и еще что-то специальное, вроде умения ходить по воде — ничем иным Касси не могла объяснить их девственную чистоту.

— Да... твоя мама звонила, — пробормотала Таня. — Искала тебя...

— А?

Таня не ответила, махнула на прощание и вышла. Щелкнул замок. Помолчал и дёрнулся, будто хозяйка проверяла, точно ли закрыла дверь. Дернулся вновь.

— А-а-а... — промычала Касси.

Замок утих. Застучали белые кроссовки по лестничной площадке, лязгнул лифт, загудел.

— Ну да.

Касси сомнамбулически потрогала лицо, села на тумбочку и огляделась в пустой квартире. Тихо гудел стояк, пахло духами Тани. Было странное ощущение: сочетание свободы и скованности. Касси уронила рюкзак на пол и потянула с себя пропотевшую рубашку, джинсы, носки. Шапку. Одежда липла к телу, пахла. Босиком Касси прошла на балкон.

Город — или пригород, она так и не могла понять разницу — дышал электричеством. Гудели фонари, собирая ореолы из комаров и мух. Ночной воздух был неподвижным и тяжелым, наполненным звуками уличного движения. Белые фигуры высоток призраками реяли в сумеречной синеве. На Касси нахлынуло что-то, переполнило, и она судорожно выдохнула.

Достав из шкафа белье, Касси застелила балкон и подумала, что неплохо бы помыться и сходить в магазин, но на секундочку, только на секундочку прикрыла тяжелые веки. Подумала ещё раз, уже тяжелее, будто ворочала гигантский каменный блок. Перевернулась на живот, когда спина заболела от жесткого пола. В наступающей тьме возник купол анатомического театра. Он медленно приближался и шептал тысячей ртов:

— Бле-е-е-едность.

Глава 4. Лабораторный отбор

Утром Касси проснулась от грохота мусороуборочной машины и долго не могла понять, где находится. Бока ныли от жесткого бетона, в желудке разверзлась пропасть. Она кое-как встала, облокотилась о перила балкона и вяло оглядела железобетонный лес небоскрёбов. Поёжилась. Ночные впечатления не обманули — дома-человейники забили округу под завязку, будто кто-то налаживал массовое производство людей.

— Городские джунгли, — пробормотала Касси и заглянула в комнату. Было тихо и чисто, словно Таня не приходила.

Выпив перекисший кефир, Касси оделась и пошла искать магазин. Супермаркет прятался за углом — на первом этаже такой же высоты. Стеллажи ломились от продуктов, на стене за кассами висели два объявления: «Федеральная торговая сеть приглашает на работу» и «Куплю рога лося, оленя, марала». Касси записала оба телефона и накупила еды. Упаковок оказалось столько, что они забили всю полочку, благодушно выделенную Таней, и свешивались наружу, будто пассажиры тонущего корабля.

Касси позавтракала второй раз, постиралась и отправилась в Культу. На вождленном кабинете 121 висела пластиковая табличка с надписью: «Лабораторный отбор». Касси постучалась и, спрятав руки за спиной, как школьница, вошла в тёмную комнату. Плафоны под потолком заморгали с легким перезвоном и расплескали свет по зеркальным стенам, по стулу с датчиками и старому компьютеру на столе.

Отражения Касси, сплюснутые и изогнутые от кривизны зеркал, боязливо оглядели друг друга и прошли к центру комнаты.

Компьютер был из серо-желтого от времени пластика, здоровущий, годов семидесятых-восьмидесятых. По пузатому экранчику бежал зелёный текст, жужжали вентиляторы. Темнела щель дисководов для старых дискет, белая шина соединяла экран и клавиатуру подобно зловещей пуповине.

— Здравствуйте? — Касси приблизилась. — Мне сказали пройти тестирование!

Холодный, стерильный воздух лип к коже, потрескивало статическое электричество в скрытых динамиках.

— Эй? Кто-нибудь?

— Сядь... стул... закрепите... ктроды, — прорвался сквозь шум помех искаженный голос. Он звучал из динамиков так глухо и нечетко, что невозможно было понять, мужчина говорит или женщина.

Она хотела перепросить, но заметила распечатанную схему на столе. Касси недоверчиво осмотрела клешни электродов и стала крепить на лодыжки. Пальцы слушались плохо.

— Ч-что-то я... у меня... вы можете? — с отчаянием спросила она и посмотрела в зеркальный потолок.

Там была картинка в духе «Одинаковые девушки в шапке, вид сверху».

Голос не отвечал, в динамиках пощёлкивало, потрескивало. Касси провозилась ещё минут десять, наконец закрепила электроды и надела через затылок металлический ободок. Виски стиснули белые присоски, в носу засвербило.

— В-вроде, все, — сказала она в потолок.

Внутри компьютера взвизгнул вентилятор. Пошло тепло, запахло пылью и машинным маслом. Экран очистился, замигал курсором в левом верхнем углу и напечатал: «Введите свое имя и нажмите ВВОД».

Касси скуксилась и пригляделась к клавиатуре. Клавиши были выпуклые и разноцветные; кроме букв, на них тут и там чернел русский текст: «ВВОД», «ЗАКР», «ИЛИ», «И», «ЕСЛИ», «ИРРАЦ». Сбоку от экрана крепилась вертикальная панель с кнопками, на которых изгиба-

лись графики математических функций — от волнистой линии косинуса до похожей на плато экспоненты.

Касси попыталась напечатать имя, но пальцы, все еще непослушные после больницы, под конец вывернулись и надавили на «ИСКЛ».

— ...ВОД, — сквозь помехи повторил голос.

— Я п-пытаюсь.

Касси прицелилась и попросила спинной мозг утихомирить тремор.

«КАССИЯ»

«ВВОД»

Раздался высокий писк, вырос на несколько тонов вверх и свалился в низкие частоты. Касси передернуло.

— Вам будет представлена... звуков, текстов... изображений, — донеслось из динамиков. Голос едва прорывался сквозь низкочастотные шумы и помехи. — Вы... лжны... восп... звук...

— П-повторите, пожалуйста?

Собеседник, если его можно было так назвать, не ответил. Касси наклонилась к клавиатуре и нервно принялась вглядываться в надписи.

— ...еро, — донесся голос.

На экране отобразилось перо — в виде фотографии и текста поверх.

— Я не понимаю... — Касси растерянно огляделась. — Что мне делать?

— Цв... ы.

На экране появились георгины. Подпись гласила «убийство».

Касси нахмурилась. Она хотела повторить вопрос, но голос не останавливался и, глотая звуки, называл никак не связанные слова: ще...ки, ...акаты, тру...ы, па...ки, клоу..., н...жи, кр...вь, ...гонь, л...ца. На пузатом экране мелькали изображения с текстом. Иногда они совпадали с произнесенным словом по смыслу, но чаще вступали в странный диссонанс, от которого Касси казалось, что в ее мозгах копошатся муравьи.

Минут через девять такого действия ей стало скучно. Она принялась разглядывать клавиатуру. Слева были кнопки с подписями «НЕЙТР», «ПРЕРЫВАНИЕ», «ПЕЧАТЬ». Касси побарабанила по столешнице и нажала «ПРЕРЫВАНИЕ».

Экран мигнул, очистился. Побежали команды.

— Ой... — Касси поспешно отдернула руки от клавиатуры. — Извините, я... я случайно!

На мониторе возникла видеотрансляция: низкого разрешения, тусклая, в оттенках сепии. Кадр подрагивал и моргал, пытаясь удержать в себе серый квадрат.

— Вам будут предл... ны... рты Зенера, — раздалось сквозь какофонию помех. — Вы... лжны угадать одну из...

— А?

Касси наклонилась к экрану, надеясь, что так услышит лучше, но голос замолчал.

В кадре возникло пять карт: круг, крест, квадрат, волна, звезда. Они перемешались в колоду и приблизились рубашкой вперед.

— Мне нужно угадать? — спросила она.

Ей не ответили.

— Ладно-ладно. Волна?..

Карта перевернулась, и Кассивзяла оторопь. Угадала. Случайность? Пока она собиралась с мыслями, карта волны пропала, и возникла рубашка.

— Крест?

И снова — повезло.

Так продолжалось раз двадцать или больше, с переменным успехом, пока голос сквозь какофонию помех не попросил:

— Покрас... треуголь... красный цвет.

На экране появился желтый треугольник. Касси искала взглядом подходящую кнопку или мышку, которые могли бы помочь, но ничего похожего не нашла. Она покусала губу и нажала понравившееся «ПРЕРЫВАНИЕ».

На этот раз изображение не изменилось, и только голос произнёс, глотая начала и окончания:

— ... долж... сдела... ысленно.

— В смысле головой? — Касси постучала пальцем по виску. — Вас очень плохо слышно. Собеседник — где, кто и когда бы он ни был — молчал.

Касси неодобрительно посмотрела на треугольник и представила, как замазывает его кисточкой с красной краской.

Конечно, на экране ничего не изменилось.

Она развела руками и попробовать взять мысленный фломастер, карандаш. Она вылила на треугольник мысленную краску из мысленного тюбика, потом из мысленной банки.

Ничего.

— Необходим... крас... гольник в красный цве... — раздалось из динамика.

В голове трепыхнулось красное полотнище флага, выросла кирпичная стена, кровь каплей вспухла на порезанном пальце.

Треугольник оставался желтым.

— Я... слушайте, я не знаю!.. Я... — она не договорила, решив, что голос все равно смолчит. — Да черт же...

В мыслях сверкнул нож, разрезал руку, и кровь красным полилась на треугольник.

Касси мотнула головой, чтобы отбросить неприятную картинку, и тут выключился свет.

Она вскрикнула — так резко упала темнота, будто сама Касси провалилась на дно океана. Не стало ни звуков, ни запахов — полная сенсорная слепота.

— В-вы меня слышите? — спросила она в пустоту.

Плафоны замигали с тихим перезвоном, зажужжали вентиляторы компьютера, вспыхнул экран.

Курсор мигнул в левом верхнем углу, что-то загудело, защёлкало, и из незаметной щели в панели с кнопками-графиками показался белый листок, длинный и узкий, похожий на чек.

Плафоны продолжали мигать в нервном, истерическом ритме. Листок змеей полз наружу и заворачивался трубочкой. Касси глубоко вздохнула, чтобы унять сердце, подождала, пока гудение стихнет, и оторвала бумажку.

Она была девственно чиста и влажновата.

— А... тут ничего. — Касси помахала распечаткой. — Так и должно быть?

Ей не ответили.

— Что мне делать дальше?

— ... отбор... вершен.

— Что он?..

Голос молчал, будто растаял в пустоте. Касси снова недоверчиво оглядела распечатку, неуверенно поднялась и направилась в деканат.

Погода за его окном, казалось, отражала смятение в душе Касси. Грозовые тучи клубились над городом, угрожая обрушить свою ярость на раскалённые улицы; духота сделалась невыносимой.

Розово-синяя Марина Петровна была, кажется, в предобморочном состоянии. Под мышками у неё потемнело, волосы слиплись; вентилятор дул прямо в... покрытое морщинами, обветшалое лицо. Она сторбилась, согнулась, словно очень медленно наклонялась вперёд и падала с невидимого обрыва. Касси замерла от удивления — сейчас бы она дала работнице

деканата не меньше девяносто. Девушка... нет, — женщина осоловело посмотрела на пустую бумажку Кассии и объяснила трескающимся голосом:

— Спецчернила, уважаемая. Защита персональных данных.

Она вяло подкатила на стуле к сканеру, сунула туда распечатку, расправила и придавила крышкой. Щелкнула кнопка копирования, запахло паленым.

— Скажите... — начала Касси, не зная, как спросить. — Я же к вам подходила перед тестированием?

Женщина обернулась — на висках блеснула седина — и, видимо, поняла все по лицу Касси.

— Сколько сейчас мне?

— М-м...

— Не зря поясница заныла, — женщина достала из сумки зеркальце и посмотрелась. — Думала, до вечера дотяну...

Касси облизала пересохшие губы. У неё в голове что-то пыталось со скрежетом провернуться, но все не проворачивалось.

Могло молодой девушке стукнуть за пару дней девяносто?

Или не молодой?

Как это вообще возможно?! Розово-синяя старушка посмотрела на Касси пренебрежительно и объяснила:

— Ну я, я. Челюсть подберите. Лев Васильевич называет это хаотичной функцией.

— А?

— Нелинейная зависимость возраста от времени.

— Я ничего не понимаю.

— Используешь плазмодий и снова чувствуешь себя молодой, — Марина Петровна вяло улыбнулась. — Или ещё более старой. Если ты не на свидании, это даже забавно.

Женщина дождалась, пока из сканера вылезет копия тестирования — на этот раз с текстом — и проглядела. — Какие странные показатели. И анализ крови запороли...

— Ч-что? — Касси растерянно заморгала.

— Да неважно. — Марина Петровна стала методично рвать копию теста. — Лев Васильевич называет это непопаданием в предел измерений.

— А... я там карты угадала...

— Иллюзия контроля. Проверяются не ваши способности, весьма посредственные, надо сказать, а ваши реакции и показатели. — Она подкатила обратно к столу. — Ну и в какую лабораторию мне вас направить?..

Касси попыталась сосредоточиться и понять, обижаться или нет на сказанное.

— Мой бывший курс, ну, как вы называете... лаборатория?.. закрыта?

Розово-синяя Марина Петровна медленно, неохотно повернулась к экрану и закликала мышкой.

— Лаборатория профессора Яворского... «Поиск и разведка оккультных полезных ископаемых». Пять человек вас. — Марина Петровна наклонилась к самому экрану и наконец стукнула по нему артритным, морщинистым пальцем. — Ну вот, все ясно! Все, кроме вас, отчислились.

— И профессор? — удивилась Касси. — Яворский?

— Мм, — Марина Петровна покликнула, снова наклонилась к экрану. — Отпуск за свой счёт. Конечной даты нет. Почему я вообще вам это говорю?

Касси стало не по себе. Казалось, все съехали из ее прошлой лаборатории, как крысы с тонущего корабля. Она присела на парту у порога и задумалась.

— Их имена там написаны? Контакты?

— Тут не справочная, вообще-то.

Касси мило улыбнулась и попросила:

— Пожалуйста...

— Вот не надо мне строить глазки. Не надо! Наверное, что-то ещё есть, но не с моими правами доступа. — Марина Петровна наклонилась к экрану и снова защелкала мышкой. — Так, выбираем... вот убыл один в транскраниальных исчислениях... в философии новых наук хоть со всей семьей приходи... убыл человек в месмеризме... у директора, конечно... спиритизм, там тоже убыл... выбирайте.

Касси почудилось что-то зловещее в ритмической поступи слова «убыл», но она решила не уточнять его истинное значение.

— А... а кто вообще знает этого моего профессора Яворского?

— Точно не я. Директор. Может, криптопсихологи... но у них вся информация закрыта. Да и... они на своей волне.

— Вот! — спохватилась Касси. — Запишите к-к... к директору.

Марина Петровна потёрла лоб, замялась. Морщины на ее лице разглаживались, как по волшебству, спина выпрямлялась.

— Н-нельзя? — Касси ошарашенно следила за превращением. — Если кто-то и может мне рассказать о Яворском и моей... в смысле, его «лаборатории», так это ваш директор. Нет?

— Уважаемая, — Марина Петровна оглянулась по сторонам, будто их могли подслушать, и для вида перебрала бумаги на столе, — поверьте, вы туда не хотите.

За окном небо содрогнулось белой вспышкой, рокотнул гром, и его звук зарезонировал в спертом воздухе деканата.

— К директору, — повторила Касси.

— Об этой лаборатории очень плохо отзываются.

Касси сложила ладонь в молитвенном жесте.

— Да что я вас уговариваю?.. — Марина Петровна с заметной досадой повернулась к компьютеру, что-то впечатала и, помедлив, зло ударила по «Enter». — Поздравляю, уважаемая, вы полноправный член лаборатории евгеники.

Слово «евгеника» потянуло из памяти статью о зверствах нацистов, но Касси решила не развивать эту тему и спросила, что ей делать дальше.

Марина Петровна сказала ждать, вышла и вскоре вернулась с пластиковой карточкой. На чёрной поверхности был выгравирован логотип Культи и впечатано «K.V. Reinard». Пахло разогретым пластиком.

— Это пропуск, и сюда же будет приходиться стипендия. — Марина Петровна, совсем молодая теперь, почесала ручкой за ушами. — Так, так... первого сентября, в 8:45 у кабинета директора. Это на втором этаже, где Джунгли.

— А?

— Бумаги. Много бумаг. — Марина Петровна нехорошо улыбнулась, и в углах ее глаз собрались пучки недоразгладившихся морщин. Теперь ей было лет тридцать. — Вы поймёте, когда увидите.

Глава 5. Обманщица и иждивенец

Придя домой, Касси взяла ноутбук Тани и вбила в поиск Культу. Нужный сайт нашёлся сразу — скучный, серый, полный бюрократизмов, номеров ИНН, ОГРН и прочей ерунды.

Обычный сайт научного института, если бы не герб с рукой-глазом-черным солнцем и не раздел диссертаций, где нашлось место «Детским ритуалам вызова духов», «Русскому спиритуалистическому движению конца XIX — начала XX веков» и «Особенностям расследования мошенничеств при оказании оккультных услуг». Касси заглянула в списки сотрудников — Яворского там не было и в помине. Она зашла в раздел истории.

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ НАУЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПАРАНОРМАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ БЫЛИ ПРЕДПРИНЯТЫ В 1870-Х ГОДАХ, КОГДА РУССКИМ ФИЗИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ ПРИ НЕПОСРЕДСТВЕННОМ УЧАСТИИ Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА БЫЛА СОЗДАНА КОМИССИЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕДИУМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ. ХОТЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ РАБОТЫ КОМИССИИ СПИРИТИЗМ БЫЛ ЗАКЛЕЙМЕН КАК МОШЕННИЧЕСТВО, СОЧЕТАЮЩЕЕ В СЕБЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МОШЕННИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ, ОДИН ИЗ ОППОНЕНТОВ, ХИМИК А.М. БУТЛЕРОВ, ПРЕДПРИНЯЛ ПОПЫТКИ ДАЛЬНЕЙШЕГО НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СПИРИТУАЛИЗМА, СПИРИТИЗМА И МЕДИУМИЗМА.

АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В ЭТОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИНЯЛ ДРУГ БУТЛЕРОВА, МЕЦЕНАТ П.Г. ШЕЛАПУТИН. ИМЕННО НА ЕГО СРЕДСТВА В 90-Х ГОДА XIX ВЕКА НА ДЕВИЧЬЕМ ПОЛЕ БЫЛА ОТКРЫТА КЛИНИКА ЖЕНСКИХ БОЛЕЗНЕЙ. АРХИТЕКТОРОМ СТАЛ МАСТЕР ЭКЛЕКТИКИ Р.М. КЛЕЙН. ОН УДАЧНО ИСПОЛЬЗОВАЛ УГЛОВОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ЗДАНИЯ И ПОДАРИЛ ЕМУ ЗАГАДОЧНУЮ ДОМИНАНТУ В ВИДЕ КУПОЛА АНАТОМИЧЕСКОГО ТЕАТРА.

В ЭТОМ САМОМ АНАТОМИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ, ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ СОВРЕМЕННИКОВ, В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. ПРОВОДИЛИСЬ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ СПИРИТИЧЕСКИЕ СЕАНСЫ, В КОТОРЫХ УЧАСТВОВАЛИ НЕ ТОЛЬКО БУТЛЕРОВ И ШЕЛАПУТИН, НО И ПОЛЬСКИЙ МЕДИУМ ЯН ГУЗИК, А ТАКЖЕ ИЗДАТЕЛИ ОККУЛЬТНОГО ЖУРНАЛА «РЕБУС»: ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ И АЛЕКСАНДР ЛАНГ.

С ПЕРВЫХ ЛЕТ РАБОТЫ КЛИНИКИ В СПИСКИ ЛЕЧЕБНЫХ ПРОЦЕДУР ПРИ ТАКОМ РАСПРОСТРАНЁННОМ ЗАБОЛЕВАНИИ, КАК, НАПРИМЕР, ЖЕНСКАЯ ИСТЕРИЯ, ВХОДИЛИ НЕ ТОЛЬКО КЛАССИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ, НО И ДОСТИЖЕНИЯ ОККУЛЬТНОЙ МЕДИЦИНЫ ТЕХ ЛЕТ.

НЕСМОТЯ НА УСПЕШНОСТЬ, ШИРОКОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОНИ НЕ ПОЛУЧИЛИ, И ПОСЛЕ КОРОТКОГО ВСПЛЕСКА ИНТЕРЕСА К ОККУЛЬТНЫМ НАУКАМ В 1920-Х ГОДАХ, МИСТИЦИЗМ БЫЛ ПОДВЕРГНУТ РЕЗКОЙ КРИТИКЕ И ГОНЕНИЯМ.

В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ КЛИНИКА ЖЕНСКИХ БОЛЕЗНЕЙ БЫЛА ПЕРЕМЕЩЕНА В БОЛЕЕ КРУПНОЕ ЗДАНИЕ, А ОСВОБОДИВШЕЕСЯ МЕСТО ЗАНЯЛА КАФЕДРА АНТРОПОСОФИИ И НЕФИЗИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ АМН СССР, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОТОРОЙ НЕ ВЫХОДИЛА ЗА ПРЕДЕЛЫ НЕСКОЛЬКИХ УЗКОСПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ЖУРНАЛОВ И НАУЧНЫХ КОМИССИЙ.

СИТУАЦИЯ ИЗМЕНИЛАСЬ ЛИШЬ В 1966 ГОДУ, КОГДА В КУЛЬТУРЕ И НАУКЕ СССР НАЧАЛСЯ «МИСТИЧЕСКИЙ РЕНЕССАНС». РУКОВОДИТЕЛЕМ КАФЕДРЫ, А ПОЗДНЕЕ И ИНСТИТУТА БЫЛ НАЗНАЧЕН А.В. БАРЧЕНКО, ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОВЫСИВШИЙ АВТОРИТЕТ ОККУЛЬТНЫХ НАУК ЗА СЧЁТ ТЕСНОЙ И ПЛОДОТВОРНОЙ РАБОТЫ С ПРОФИЛЬНЫМИ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ПРИ НЁМ БЫЛ ВОЗВЕДЕН ВНУТРЕННИЙ САД С ФОНТАНОМ, ОТ МУСОРА ОЧИСТИЛИ ПРИЛЕГАЮЩУЮ ТЕРРИТОРИЮ. ВОССТАНОВЛЕН В ИСХОДНОМ ВИДЕ КУПОЛ АНАТОМИ-

ЧЕСКОГО ТЕАТРА. КРОМЕ ТОГО, В ПОДЗЕМНОЙ ЧАСТИ ЗДАНИЯ НАЧАЛОСЬ СТРОИТЕЛЬСТВО МНОГОЭТАЖНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО КОМПЛЕКСА.

В 1992 ГОДУ ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ АНТРОПОСОФИИ, РЕЛИГИОЗНЫХ И МИСТИЧЕСКИХ НАУК АМН РСФСР БЫЛ ПЕРЕДАН В ВЕДЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ.

В 2015 ГОДУ ИНСТИТУТ ПОЛУЧИЛ СТАТУС ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ «ФГБНУ «НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПО ИЗЫСКАНИЮ И АПРОБАЦИИ ОККУЛЬТНЫХ И МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ИМЕНИ А.В. БАРЧЕНКО».

— Ну да, ну да. — Касси пробежала взглядом по списку руководителей и остановилась на последней: «2008 — по наст. время: и.о. директора Морунов Николай Васильевич».

Она перешла в раздел «Администрация», но и там оказалась лишь фамилия. Ни фото, ни года рождения, ни званий.

К публичности руководство Культу явно не стремилось.

Касси сделала чай и, дуя на пар, вбила в поиск «чёрное солнце». В результатах было несколько статей о создании философского камня, что-то о Юнге и бессознательном, о тенях. Последняя ссылка вела на перевод многотомного труда, написанного в начале XX века неким монахом Альберто де Вилланова.

«Черное солнце, или sol niger, является символом планеты меланхолии. Меланхолия, или черная желчь, в свою очередь, описывалась алхимиками как один из четырех гуморов, управляющих человеческим телом и темпераментом. Она наиболее близка к элементу земли и, следовательно, к первичной материи, исходному материалу opus alchymicum. Охваченный властью планеты меланхолии, алхимик неминуемо погружается в глубины своего существа, где скрытый свет прячется во тьме, золото в свинце, солнце в луне. Лишь единицы способны увидеть там истину и вернуться, ибо Дьявол есть перевернутый Бог, а Бог — перевернутый Дьявол».

Касси проглядела ещё несколько глав, столь же муторных и непонятных, от напряженного чтения которых заломило виски. Она решила, что на первый раз достаточно оккультных измышлений, и позвонила по объявлению из супермаркета.

— Да, студентов берем, подходите, — сказал ей менеджер через две минуты разговора.

— Серьезно? И с шапкой не проблема?

— Ну, мы же не ракеты строим.

— Спасибо! — завопила она. — Спасибо!

Касси не то чтобы всегда мечтала стать работником магазина, но тут была вне себя от радости. Спустя час с небольшим она выслушала инструктаж, надела фартук, бейджик и с энтузиазмом предлагала покупателям супермаркета попробовать сыр на зубочистках.

Энтузиазм продолжался минут сорок, пока Касси с громким стуком не уронила поднос — сказаласть постинсультная слабость в руках. Сыр рассыпался по полу, металлический грохот эхом ходил по рядам. Касси готова была умереть от стыда, но директор магазина успокоил ее и выдал еще один поднос. С ним Касси продержалась уже до вечера. Когда она вернулась домой, дверь в комнату Тани была закрыта. Изнутри доносился голос хозяйки, рассказывавший что-то о модных трендах сезона: монохромные платья, рукава-буфы, тренчи. Касси не решилась постучаться. Она пошла на детскую площадку и, как в детстве, до головокружения качалась на сеточных качелях.

Загорались и гасли окна в доме. Петли монотонно скрипели, небо наливалось синью, холод разливался в воздухе. Касси обняла себя, чтобы не мерзнуть, легла на спину и закрыла

глаза. Ветер нестройно зашумел в умирающей березе. Было тихо, умиротворяюще, и Касси задремала.

Около девяти она проснулась, продрогшая до костей, и поднялась обратно — комната Тани по-прежнему была заперта, изнутри слышались голоса, искаженные динамиком ноутбука. Касси разозлилась и вернулась на улицу. Тут с ней захотел познакомиться пьяный мужчина в футболке и сланцах.

— Бог секса, — представился он.

Он выглядел так, будто только вышел из туалета. Касси дала ему несуществующий номер и перешла к другой высотке.

Гуляла... гуляла...

Она никогда так долго не гуляла.

Бог секса нашел ее и признался, что он Иван. Касси решила, что для нынешнего вечера Иван сойдёт в качестве собеседника, и попыталась вести диалог, но выходил больше монолог Ивана об Иване.

Касси понадеялась, что он хотя бы попристает, какое-никакое развлечение, но Бог секса пуритански ограничивался разговорами.

Касси дала ему ещё один номер — тоже несуществующий — и пошла на фуникулёр. Сделала круг над рекой. Второй.

Когда раздражение на Таню и на себя достигло предела, Касси вернулась. В квартире было темно, хозяйка спала.

Касси вечность пробиралась в темноте, едва не расшибла голову о стойку фотозонта и пообещала себе съехать при первой же возможности.

Уснуть ей тоже не удалось. Едва она легла и вытянулась на тонком одеяле, ее принялись жрать комары. Где-то мяукала кошка, Таня храпела, пели птицы. Бетон больно давил на кости. Касси не так устала, как в день приезда, и часов до трёх раздраженно считала овец. В четыре кровавой раной забрезжил рассвет.

— Я убью эту кошку, — пообещала Касси, и та, как по волшебству, заткнулась.

Таня продолжала храпеть. Когда будильник в телефоне тихонько прозвенел, Касси поспала от силы час. Она жалела, что вообще родилась, под глазами набухли мешки, ванную оккупировала Таня.

Словно этого было мало, начались месячные, и внизу живота повисла чугунная гиря.

Неумытая, злая, с кровью, бегущей по ногам, Касси добралась до магазина и купила прокладки. Помогло это мало — месячные лили как из ведра, с какими-то темными комками, похожими на куски мяса. Весь день Касси казалось, что она на ходу теряет свою плоть, разваливается. Она что-то роняла, обо что-то спотыкалась, бегала в туалет менять прокладки. К вечеру она зацепила ногой стойку с шампанским, и минут двадцать — можно было засекаать — на Касси орали под канонаду лопающихся пузырьков, вылетающих пробок и звона битого стекла.

Из ее будущей зарплаты вычли сумму, которая раза в три превышала зарплату, но снова не уволили. Касси сделала хозяевам одолжение и уволилась сама.

Раскрасневшаяся, задержанная, с ноющим животом и горящими ушами, она пошла домой по пыльной дороге. На ней была грязная футболка, липкая от шампанского, грязная юбка, из последних сил скрывавшая месячные, и грязные кроссовки, которые мало спасали от гнетущей духоты. Редкие облачка расплзались по швам, и огненное солнце запекало обнаженные плечи и руки, голову.

Прохожий крикнул ей что-то, она что-то ответила, но тут же забыла и его вопрос, и свой ответ: над головой плыли здания.

ЗДАНИЯ.

На горизонте, где вставал на дыбы Дворец Советов, они отрывались от земли и, осыпаясь бетоном, известкой, кусками дерева, осколками стекла — черт знает чего ещё — поднимались в воздух. Они взлетали с разной скоростью, под разными углами, отчего в небе в какой-то миг собралась взвесь из домов. Эта масса двигалась через реку, проползала над головой Касси и уходила куда-то за пригород. Обломки лупили по пыльной листве, по нагретому бетону. В машинах с наклеенными объявлениями «УБРАТЬ СРОЧНО!» трескались окна, прогибались крыши; повсюду валялись ветки, тенты летних веранд, стулья.

Касси отметила это светопреставление мимоходом и подняла над головой упаковку прокладок. Гудела сирена, настойчивый голос по громкоговорителю просил не выходить из домов. С неба, с очередного дрейфовавшего здания — старинного, с колоннами — посыпалась штукатурка, и несколько осколков больно ударили по рукам и спине.

Будут синяки, подумала Касси. По соседней улице проехала машина «Аварийной службы», последнее летевшее здание скрылось за высотками, и стало тихо-тихо, как в могиле.

Кончилось? Касси вытерла лицо рукавом, и на ткани рубашки осталось мокрое пятно. Одежда липла к телу, пот капельками сбегал из-под шапки, щипал глаза. Пробитые камнями улицы понемногу отряхивались: вылезла кошка из-под скамейки и потянулась, выставив одну лапку вперёд; открылись двери продуктового, забегали дворники.

Касси глотнула воду из бутылочки, дошла до окраины района и свернула к реке. Узкая тропинка вела сквозь заросли пижмы, а за ними синела вода, и дети плескались друг в друга. Касси улыбнулась им, скинула кроссовки и вошла в реку. Взвизгнула от холода, задохнулась. Волны облизывали ее ноги освежающими языками; кожа пошла пупырышками. Касси сделала осторожный шаг по илистому дну, другой. Покачнулась. Юбку хлестало водой, и на поверхность всплывали розовато-алые тяжи месячных.

— Девушка! — донеслось с берега.

Касси не ответила и двинулась к середине реки. Стало по грудь, по шею. Касси закрыла глаза и опустила лицо в воду, будто в подушку. Она чувствовала холод на своей коже, ветер в волосах, жар солнца на затылке.

Когда воздух иссяк, и в груди загорелось, она подняла лицо к синему небу. Глаза защищало от стекающей воды, все искрило. Небо вдали вспарывало опоры фуникулера, и маленькая кабинка медленно ползла по тросам.

Касси вдохнула свежесть реки и побрела домой: мокрая как мышь, но довольная.

— Кассюх, ты чокнулась? — спросила Таня, увидев ее. — Хочешь, чтобы третья рука выросла?

Касси подумала, не рассказать ли о рогах, мол, в третьей руке хоть какой-то практический смысл, но вместо этого спросила насчет зданий.

Таня не поняла.

— Ты в небе ничего сегодня не замечала? — намекнула Касси.

— Жарко, да.

— Нет, вроде домов в... все такое...

Таня переодевалась во что-то полупрозрачное, видимо, для эфира и ответила с задержкой.

— Болотный остров восстанавливают после карантина.

— Там дома по воздуху двигали.

— Их с пятнадцатого века научились двигать.

— По воздуху, Тань.

— Ну, наверное, так дешевле.

Касси поняла, что дальше продолжать разговор бесполезно, и принялась вновь искать вакансии. Ей понравилась должность консультанта в книжном магазине. Она представила

шелест страниц, их сладкий запах, шепот посетителей, но в реальности ее прогнали через четыре дня — когда она в п-ый раз упала с лестницы.

Так и тянулся август. Каждое утро Касси будило горячее солнце или холодный ветер, или коготки голубей, что скребли по карнизу и роняли на одеяло Касси белые шмяки.

— Пофиг, — говорила она.

Она купалась в реке, она жила впроголодь. На деньги, который ей выплатили в книжном, Касси купила спальный мешок, футболку с принтом пиццы и «Короля в желтом» в мягкой обложке. Кроме Ричарда Чемберса и голубей, на балконе обитала пожухлая роза, которую Таня поливала с религиозным рвением. А еще на балконе скапливался мусор.

Скапливался.

СКАПЛИВАЛСЯ.

Касси изо всех сил боролась с ним, чтобы не бесить Таню, но он распространялся с геометрической прогрессией: фантики, упаковки, чистая одноразовая посуда, грязная одноразовая посуда. Одноразовая посуда, на которой осталось что-то съедобное, и одноразовая посуда с бахромой зеленоватой плесени. Одноразовые платочки, одноразовые салфетки. Влажные салфетки, сухие салфетки. Прокладки новые, прокладки использованные.

Касси складывала все это в пакетики, чтобы выбросить, но потом забывала. Или у Тани начинался эфир. Или Касси просто не хотелось двигаться.

Хуже всего приходилось ночью, когда Касси приспичивало в туалет или перекусить. Она ждала так долго, что готова была описаться, и тихонько стучала в балконную дверь, надеясь, что Таня спит. Ждала, стучала снова и прокрадывалась через комнату.

Писала.

Объедалась, подмечая, что кто-то — **КТО БЫ ЭТО МОГ БЫТЬ?** — тайком поглотил добрую половину ее нездоровых сосисок.

Писала впрок, лишь бы не вставать ночью.

Размышляла, не поспать ли на кухне вместо балкона.

Вспоминала, что утром Тане нельзя попадаться на глаза, и кралась к себе обратно.

За следующие две недели Касси уволили из трех кафе, из службы доставки еды и ресепшена стоматологической клиники.

Она постоянно оправдывалась за шапку, она постоянно что-то роняла, она разбила стакан и две тарелки у Тани. Касси с трудом набирала текст на клавиатуре, а еще хуже записывала что-то в ежедневник. То и дело ей казалось, что за ней следят.

Из нее был идеальный работник.

Перспективнейший.

В августе она перестала смотреть вакансии и просто изображала перед подругой, что ходит на работу и вот-вот съедет. Купаться в реке было холодно, деньги заканчивались. Касси боялась устраиваться куда-то, боялась сказать Тане, что на мели.

Наступило двадцать первое. Дождь лил так, будто прорвало унитаз; в лицо дул ветер. Желтые листья уже слетали с деревьев и скручивались на земле в предсмертной муке. Касси завернулась в одеяло на балконе и задавалась вопросом, существовала ли деятельность, которую она могла бы не испортить. Ей было холодно и тоскливо. Таня раздражала очередным прямым эфиром, из-за которого с балкона было не выйти, и новой прической под каре.

Но Таня была хорошей.

А Касси — обманщицей и иждивенцем.

Она ругала, жалела и вновь корила себя. Она то набирала номер мамы, то стирала его. Тут дверь балкона открылась, и в открывшуюся щель просунулось платиновое каре.

— Одевайся, пойдешь со мной, — сказала каре. Качнулось.

— А? Куда?

— Будешь моделью одежды.

Глава 6. На том берегу

Они поехали на фуникулере в монструозный торговый центр на том берегу. Солнце садилось над городом, крася облака в розовый и пурпурный цвета, как синяки на бледной коже. У Касси рябило в глазах, гудело в ушах: двери-вертушки, яркий свет, громкая музыка. Запах сотен духов, вонь фастфуда и сотни магазинов, предлагающих все — от одежды до электроники и игрушек. Все, кроме простого человеческого счастья. Все, чем можно его заменить, чем можно прикрыть его нехватку, как ковром прикрывают гниющую дыру в полу.

— Вот тут и происходит волшебство, — сказала Таня и потянула Касси в очередной бутик.

Касси слабо улыбнулась, чувствуя себя неуместной. После больницы она тщательно избегала такие людные места и такие магазины, где навязчивые консультанты тенью ходили за ней и каждые пять минут предлагали кофе. Но Таня была здесь как рыба в воде. Она шла вдоль стеллажей и манекенов, периодически фотографируя Касси, на ходу меняя объективы и показывая, что той взять. Размеры Таня угадывала безошибочно.

В какой-то момент Касси оказалась в примерочной, и зеркало, будто телевизор, демонстрировало незнакомую девушку: в белой рубашке с рассеченным рукавом, чёрной юбке, чёрной жилетке, чёрных колготках, чёрном галстуке, чёрных ботинках с отворотами.

В серо-голубой шапке.

— Э-эм, — сказала Касси.

— Вау, — сказала Таня.

Она установила фотоаппарат напротив и направила объектив на Касси.

— Повернись налево. Налево. Где у тебя лево? Да. Чувствуешь себя другой?

Касси чувствовала себя доминатрикс из садомазохистского клуба, но сказала:

— Д-да. Необычно.

— Ты женщина. Ты заслуживаешь быть красивой.

Касси покраснела и отвела взгляд.

— Ну спасибо.

— Что?

— Нет, нет, все в порядке. Это просто...

— Эй, не стесняйся.

Касси неохотно покривлялась в камеру, потом посмотрела на ценники и почувствовала дурноту.

— Наверное, я подожду до следующей зарплаты.

— Ты ходишь в футболке с пиццей.

— Я люблю пиццу.

— Все за мой счет. — Таня сделала очередную серию снимков. — Сейчас вспышка!

Касси зажмурилась.

— Нет. Нет! Ты что?!

— Открой свои шикарные глаза.

— Тань, я не могу! Это стоит... состояние.

— Ты много пережила с этой аварией. Ты заслужила немного...

— Не надо меня жалеть! — выпалила Касси и тут же смутилась, когда Таня отшатнулась, и в глазах подруги проступила обида. — Слушай, я без работы. Я знаю, я обещала тебе, что съеду... просто... ну, я хожу на улице... весь день... я не работаю, только хожу, изображаю... я не знаю зачем... я не могу принять такое.

Таня помолчала.

— Я знаю.

— Знаешь? — Касси бросило в жар.

— Считай это вложением. Чем лучше ты будешь выглядеть, тем быстрее тебя кто-нибудь подцепит, и ты наконец съедешь. — Голос и лицо Тани оставались серьезными. — Повернись, красотка.

Касси не нашлась что ответить. Таня снимала ее, Касси вертелась у зеркала и не могла понять, нравится себе или нет. Потом Таня ушла куда-то и вернулась с белым ободком.

— Вместо твоей шапки. Видеть ее не могу.

Касси замялась.

— Я не... не получится.

— Снова начинаешь?

— Я тебе хотела сказать... давно... насчет внешности.

Касси показала на голову, и Таня догадалась:

— У тебя что, алопеция?

— Кто?

— Когда лысеешь кусками. У меня дядя, там, в Якутии, так лысел.

— А... а-а... хуже.

Таня вздохнула и оглядела примерочную.

— Здесь только ты и я.

Касси стиснула зубы и трясущимися руками сняла шапку. Выпрямилась.

Глаза Тани расширились. С минуту она молчала, руки ее с фотоаппаратом медленно опустились.

— Вроде сегодня не Хеллоуин.

— Они настоящие.

— Кассюх, не смешно.

— Они НАСТОЯЩИЕ.

На лице Тани сменяли друг друга недоверие и растерянность.

— Долгая история... — добавила Касси. — Хирург запросил двести тысяч, чтобы их срезать. Д-долгая история...

— Вау. Хорошо же ты оторвалась, пока мы не общались... — Таня замялась. — Ну, давай найдем тебе шапку получше. И да, я вырежу из видео твои милые рожки, — ответила Таня на невысказанный вопрос.

С этими словами она втокнула Касси обратно в примерочную и, словно фокусник, достала откуда-то рваные джинсы:

— Меряй.

Касси померяла. Дырок на джинсах было столько, будто они пережили нападение гризли, но ей понравилось, ей вдруг сделалось легко и весело. Они снимались, меняли наряды, снимались снова.

Устали.

Проголодались.

Объелись суши и пошли в кино. Касси чувствовала в душе подъем, и только в середине фильма обухом ударило: впереди затаилось первое сентября.

Культа.

Касси подумала вовсе не ходить никуда и спросила:

— Дашь телефон?

Таня посмотрела косо, но протянула гладенький смартфон размером с сумочку.

Касси открыла браузер, вбила название института. Она искренне надеялась, что официальная страница Культи не найдется, и даже скрестила пальцы на ногах.

Сайт был на месте.

— Ты же тоже это видишь? — спросила она Таню и показала экран смартфона.

Та лениво оглянулась, прищурилась.

— Ага.

— Тебя ничего не смущает?

— Ну, мы шепчемся посреди сеанса.

— То есть мой шёпот тебя смущает, а «Институт оккультных исследований» — нет?

На них зашипели с переднего ряда, и притихшая Касси стыдливо обновила страницу. Обновила второй раз. Третий. Четвертый.

Сайт Культу был на месте.

Глава 7. Железный лоток

На месте было и здание, когда пасмурным днем первого сентября Касси приехала на Девичье поле. Погода снаружи зеркально отражала меланхоличную атмосферу института: влажно шумели колеса машин, капли дождя мягко шлепали по оконным стёклам в старинных рамах.

Джунгли бумаг действительно располагались на втором этаже, в тупике кругового коридора. Следующая же дверь привела Касси в приёмную и.о. директора. Тусклый свет скудно обрисовывал пару кожаных стульев для посетителей, пустую вешалку, пустой стул секретаря. На тумбочке, в здоровенном аквариуме с подсветкой, плавали розоватые ящерки, криповато-милые, с чёрными бусинками глаз. Внешние жабры фиолетовой короной вставали над головой; разрезы ртов по странной прихоти природы напоминали улыбки.

— П-привет, — сказала им Касси и помахала рукой.

Одна из ящерок наклонила голову набок, но, конечно, ничего не ответила.

В кабинет директора вела тяжелая дверь из тёмного металла, начисто лишенная ручек. Посередке ее угадывалась прорезь в форме прямоугольника, в углу алым светила камера наблюдения.

Касси подождала 8:45, набралась смелости и постучалась.

БУМ-БУМ.

БУМ.

Дверь отвечала легким мелодичным звоном. Касси облизала зубы, потопталась на месте, села на стул. Кожаная обивка выветрилась и потрескалась, нашептывая истории о бесчисленных посетителях, которые приходили и уходили — из кабинета, из мира, из жизни. По спине Касси пробежали мурашки.

Черно-белая фотография на стене запечатлела несколько человек, ожидающих расстрела у церкви. У приговорённых были мешки на головах. У палачей — кожаные фуражки и кожаные пальто. Из-за одежды Касси решила, что снимок делали в революционные годы, но подписи не было.

Она подождала немного и постучалась вновь.

Ничего. Ни звука, ни движения, никаких признаков жизни, кроме всплеска воды от движения розовых ящерок в аквариуме.

Душный воздух застыл студнем, и взбалтывали его только редкие шаги из коридора. Черно-белая фотография казни испускала неопределённую жуть. Касси приоткрыла форточку, расстегнула верхнюю пуговицу рубашки, помахала на себя ладонью. Порадовалась, что оделась в свою обычную одежду, а не в наряд роковой женщины «от Тани». Порадовалась, что новая шапка «от Тани» — черная, совсем тонкая — выполняла скорее декоративные, чем теплосберегательные функции.

Что-то резко лязгнуло. Касси оглянулась — из прорези в двери выдвинулся металлический лоток. Изнутри он оказался покрыт квадратными уравнениями, от которых у Касси заняло в носу. Она помотала головой и вытащила лист А4.

ДОСТАТОЧНО СРОЧНО

ВСЕМ, КОГО ЭТО КАСАЕТСЯ

Участнице лаборатории новой (мягкой) евгеники

К.В. Рейnard

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Предоставить ежеквартальный отчет о наполняемости лаборатории эзотерической истории и философии (к.331) в срок до 13:00 1 сентября 2021 года в мой адрес в установленном порядке.

и.о. директора ФГБНУ «НИИ ПИАОМТ ИМ. А.В. БАРЧЕНКО».

Н.В. Морунов

Касси с недоумением оглядела записку, печать, подпись. Перевернула.

— К-какой еще отчет?..

Она снова постучалась в дверь, теперь громче. В голове засуетились десятки вопросов: может быть, произошла ошибка?

Может, Касси с кем-то перепутали?

Может, она перепутала кабинет?

Как она вообще может предоставить ОТЧЕТ?

Дверь оставалась неподвижна, как и лоток в ее середине.

Касси сдвинула шапку повыше, почесала лоб и в растерянности направилась к лестнице. На третьем этаже она добралась до левого крыла, где находилась большая деревянная дверь с надписью «Эзотерическая история и философия». Изнутри что-то размеренно тикало.

Мгновение Касси колебалась, затем постучала и заглянула внутрь.

В кабинете — или скорее, учебном классе — было темно и пыльно. Классную доску покрывали десятки диаграмм и символов. На каждой парте работал механический метроном: вдоль пирамидальных корпусов из вощёного дерева качались маятники с грузиком, туда и обратно.

ТИК-ТАК.

ТИК-ТАК.

Метрономов было десятка три или четыре. Двигались они синхронно, словно танцоры в балете, и даже несколько жутковато.

ТИК-ТАК.

ТИК-ТАК.

ТИК-ТАК.

ТИК-ТАК.

— Ээ... есть кто-нибудь? — позвала Касси.

Метрономы замерли в один миг. Маятники наклонились вбок и слегка подрагивали.

— П-простите?.. — неуверенно произнесла Касси.

Выглядели метрономы угрожающе, но дальше стало только хуже — они принялись качаться вразнобой, хаотично, все громче и быстрее отбивая такты.

— Тихо! — рявкнул мужской голос.

Метрономы снова замерли. Касси впервые обратила внимание, что заднюю стенку комнаты украшал камин: красными пятнами тлели угли, блестело зеркало до потолка с безумным барельефом из белого мрамора — фавны, дриады, Вакх. В кожаном кресле лицом к камину сидел мужчина. На плечах пучился твидовый костюм, шею сдавил галстук-бабочка. Волосы и бороду покрывала седина, во рту дымилась трубка. В руке поблескивал янтарем стакан спиртного. Старый, усталый мужчина, в нем было так мало жизни, энергии, что он казался частью интерьера.

Касси прочистила горло и шагнула к нему.

— И-извините? Это же тут лаборатория эзотерической истории и философии?

Мужчина посмотрел на Касси печальными карими глазами и вытащил трубку изо рта.

— То, что от неё осталось. Отчёт?

— Д-да. Тут что-то о наполняемости... — Касси издала показала служебную записку, но мужчина пренебрежительно махнул рукой.

— Входи. Закрой за собой.

Она сделала, как он сказал, и боязливо пошла к нему мимо враждебно застывших метрономов.

— Что с ногой? — спросил мужчина.

Касси густо покраснела. В какой-то момент ей уже начало казаться, что ее проблемы с координацией сходят на нет после больницы. Но видимо, сходили на нет лишь комментарии окружающих.

— Авария. Ничего такого.

— Ну, садись, садись. — Мужчина указал на кресло рядом со своим. — В ногах правды нет. Не обращай на них внимания.

Последнее, видимо, было о метрономах, которые слегка поворачивались по мере движения Касси — будто следили за ней. Она нервно села на краешек свободного кресла и протянула служебную записку.

Мужчина покачал головой. Он затыкнулся трубкой и выпустил колечко дыма. Это было очень симпатичное колечко, и Касси пожалела, что ее телефон не способен фотографировать.

— Сколько ты их видишь? — мужчина кивнул за спину, где стояли парты.

Касси оглянулась и решила, что в вопросе прячется подвох.

— В-вы про метрономы? Я... — она начала считать приборы, но мужчина покачал головой.

— Люди. Живые люди. Сколько их?

Касси почувствовала себя круглой душой.

— Я... я не знаю. Никого?..

— Именно. Никого. — Он сделал большой глоток из стакана. Выдохнул. — Десять лет я здесь работаю, у меня докторская степень по философии. У меня два десятка монографий, я член-корреспондент академии наук, я почётный член трёх европейских университетов и одного азиатского, но в мою лабораторию не записывается ни один человек.

Касси не нашлась с ответом.

— Вот ты, судя по этой бумаге, пошла в лабораторию директора. В худшую лабораторию. В лабораторию, которую Николай Кузанский отнёс бы в абсолютному минимуму миропорядка. — Мужчина постучал трубкой по стакану. — Нужно быть еретиком, дураком или безумцем, чтобы туда идти. Почему не ко мне? Чем я хуже?

Он посмотрел Касси в глаза, так печально, что ей захотелось куда-то спрятаться.

— И-извините. Мне нужно... я хочу узнать о профессоре... профессор Яворский... он здесь работал... мне надо с ним как-то поговорить, и...

— И ты подумала, что этот восколицый параноик с приставкой «и.о.» выложит все на блюдечке.

Мужчина захохотал, и Касси застенчиво улыбнулась.

— Вроде того.

— Ну-ну, — он допил остатки спиртного и с громким стуком поставил стакан на каминную полку. — Давай погляжу, что там.

Касси робко протянула ему служебную записку.

— «Наполняемость», — мрачно прочитал мужчина. — Нулевая у нас наполняемость. Хреновая. А давай так и напишем, да?

Прежде чем Касси успела ответить — вернее, прежде чем она успела сформировать в голове хоть какое-то мнение по этому вопросу — мужчина достал из внутреннего кармана пиджака перьевую ручку. Прорывая бумагу, он написал внизу служебки: «Хреновая».

Широкие ноздри с шумом втянули воздух, плечи опустились.

Он подставил дату, подпись. Расшифровал: «САМОССКИЙ».

— Хреновая, — повторил он глухо и вернул Касси служебку. — Так и передай ему.

Она растерянно посмотрела на надпись, встала... села.

— В-вы лично знаете профессора Яворского? Может, кого-то из его лаборатории?..

Мужчина скосил на Касси взгляд и затянулся трубкой.

— Скажем так... будучи бывшим военным и материалистом до мозга костей, он является моим непримиримым классовым врагом.

— А?

— У нас с ним было мало общего, а еще меньше желания это «общее» находить. Я не слишком тебе помог?

— Н-нет, наверное. «Было»?

— Я давно его не видел на ученых советах. — Мужчина потер кустистую бровь. — Смутно помню, он выбивал разрешение на учебную экспедицию.

Касси поблагодарила его и направилась к двери. На полпути остановилась.

— Это все взаправду? — Она обвела руками комнату, полную метрономов. — Я же не схожу с ума? Весь этот институт?

Мужчина хрюкнул от смеха.

— Что? — не поняла Касси.

— Ты просишь удостоверить твою реальность доктора философии.

— А...

Она нервно хихикнула, поблагодарила его во второй раз и понесла служебку, гравированную надписью «ХРЕНОВАЯ», к приемной директора.

Положила в лоток.

Задвинула.

Подождала. В солнечном сплетении плескалась объяснимая тревога пополам с необъяснимым злорадством.

Минут через десять лоток невозмутимо выдвинулся снова.

ВЕСЬМА СРОЧНО

ВСЕМ, КОГО ЭТО КАСАЕТСЯ

Участнице лаборатории новой (мягкой) евгеники

К.В. Рейнард

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Провести анализ дневника хх00_65хх5т (библиотечное хранилище) на предмет запрещённых фрагментов. Отчёт о наличии либо отсутствии таковых фрагментов необходимо представить в срок до 17:00 1 сентября 2021 года в мой адрес в установленном порядке.

и.о. директора ФГБНУ «НИИ ПИАОМТ ИМ. А.В. БАРЧЕНКО».

Н.В. Морунов

Злорадство смысла волна раздражения. Касси недобро посмотрела на дверь и постучалась — так громко, как могла. Звук вновь показала ей мелодичным, точно она была в здоровенный ксилофон.

— Кто-то объяснит мне, чем я занимаюсь? — Касси махнула служебкой. — Для чего все вот это?

Дверь оставалась неподвижна. Касси прислонилась к ней ухом и прислушалась. Ей показалось, что доносится слабый свист, но тут же засомневалась — не кровь ли шумит в ушах.

Касси засопела и постучалась опять. Потом села на стул и вознамерилась ждать так долго, как придётся. Прошел час.

Голова начала дуреть, желудок заурчал. Лоток исправно принимал бумаги от посетителей и выплевывал ответы, но Касси ничего не отвечал.

Она узнала дорогу у охранника и спустилась на минус первый этаж.

Дверь библиотеки была приоткрыта, изнутри тянуло увяданием и сладостью древних страниц. Касси поежилась и вошла в массивное помещение, в лабиринт металлических стеллажей, которые доходили до высоты четвертого этажа. Витражные окна — рабочие, заводы, трактора — отбрасывали разноцветный свет на стены; в нескольких шагах от двери шла перегородка, которая ограничивала доступ посетителей к стеллажам. В дальнем конце помещения виднелась панель управления и пара старых компьютеров.

Касси подошла к столу библиотекаря у левого края перегородки. Женщина в серо-синем комбинезоне слушала что-то в наушниках, и грязно-серые глаза ее были пусты, точно высохшие бассейны.

— Извините, мне нужно кое-что найти. — Касси неуверенно протянула служебку. — Дневник.

Библиотекарша не отреагировала.

— Поможете мне? — спросила Касси и снова осталась без ответа.

Она помахала рукой перед лицом женщины — та не шелохнулась. Из наушников доносился пронзительный, но неразборчивый голос, будто кто-то выкрикивал речь с трибуны.

— Не берите в голову, — сказала Касси и с досадой полезла через перегородку.

Упала.

Встала.

— Ничего-ничего, я сама.

Она прошлась между стеллажами в поисках нужной секции. Никакой понятной системы в расположении их не было: за буквой «Б» следовала «Ж», за «Ж» — «А». Перед глазами мелькали старинные книги в кожаных, деревянных и чеканных переплетках; восковые, каменные и глиняные таблички, папирусы и пергаменты, береста; каталоги дискет, дисков, перфокарт; какие-то чёрные цилиндры, грампластинки. Некоторые предметы были прикованы цепями к полкам, другие стояли в запаянных контейнерах из толстого стекла. На самом краю слышимости что-то слабо гудело, будто электричество бежало по проводам.

У дальней стены Касси споткнулась и обнаружила под ногами металлические полосы-углубления. Не сразу, но она догадалась, что стеллажи двигаются по направляющим рельсам, и направилась к пульту управления.

Там под кнопками-гумблерами разместились прозрачные окошки с полосками бумаги. На каждой полоске были вручную указаны категории, повороты и «уровни». Касси оглянулась на библиотекаршу — та по-прежнему сидела без движения — нашла раздел «Дневники/Хроники» и вдавила кнопку.

Ничего не произошло.

Касси подумала и нажала уровень с цифрой «1». Щелкнуло, закрипело. Металлические стеллажи вздрогнули от пола до потолка четвертого этажа и медленно, со скрежетом двинулись.

Библиотекарша не отреагировала и на это. Касси показалось, что промелькнула буква «Д», но тут стеллажи ускорились. Ей пришлось увернуться от нескольких рядов, которые едва не раздавили ее, скрип перешел в визг, и Касси заткнула уши.

— Стойте! Ну! — крикнула она, но полки уже не слушались. Они вращались, как карусели, как безумные шестерни, и книги, не прибитые цепями, дискеты, пергаменты и перфокарты слетали с них чёрными птицами. Касси пригнулась, когда мимо ее головы просвистел том страниц на шестьсот, подбежала к пульту и потянула за рычаг «СТОП»... он застрял. Она дернула его изо всех сил, повисла и, наконец, сумела опустить.

Полки остановились со ржавым воплем. Касси отдышалась, огляделась. Книги, перфокарты и дискеты разбросало по всему полу, но библиотекарша не шевелилась.

— Мне бы ваше спокойствие.

Касси начала собирать упавшие вещи, пока не добралась до «Д». Там она протиснулась между металлическими колоннами соседних стеллажей и уставилась на ряды дневников самого разного формата: от стандартных школьных до пухлых книжечек и томов размером с «Войну и Мир». Чтобы просмотреть все, требовалось несколько жизней.

Касси провела пальцам по пыльным торцам с цифровыми кодами и сверилась с номером в записке директора.

xx00_65xx5t

Нужный дневник нашёлся на третьей полке. Даже не дневник — тетрадка. На зелёной невзрачной обложке, кроме кода, было тиснение в виде глаза. Библиотечный штамп рядом с кодом гласил: «Предупреждение! Объект содержит элементы, которые могут быть опасны для вашего психического и физиологического здоровья. Оценка по шкале опасности ISIS 4».

— Ну спасибо, что сказала.

Касси боязливо протянула руку и ощутила лёгкое, но приятное покалывание, когда ее пальцы коснулись обложки. Она решила, что ей показалось; перешла поближе к витражным окнам и полистала страницы.

Они были пусты.

Касси просмотрела дневник до конца, затем ещё раз. Нет, там было пусто. Разочаровывающее двумерное пространство белого цвета. Касси уже хотела вернуть находку, когда заметила кое-что странное.

Это было похоже на каплю черноты, на странную упорядоченность в монохромном беге страниц. Касси наклонилась ниже, пытаясь разглядеть ее, и почувствовала внезапный толчок в сознании. Будто что-то соединилось с ним. Голова закружилась, затошнило.

Капля вытянулась в линию, задрожала, зашевелилась, будто живая, и обросла побегими букв.

КАССИЯ

Касси в недоумении уставилась на свое имя, чувствуя, как на лбу выступает холодный пот.

Это было дико.

ЭТО ДИКО

Фраза нарисовалась на странице, как только Касси ее обдумала.

Она попыталась отодвинуть дневник подальше, но что-то парализовало тело. Касси не могла ни двигаться, ни говорить. Она могла только наблюдать, как на страницах вырастает все больше кустиков-слов, образуя предложения и абзацы.

ОТКУДА ОНА ЗНАЕТ МОИ МЫСЛИ?

ЧТО ЭТО ЗА ДНЕВНИК?

ОН ЖИВОЙ?

ОН НАБЛЮДАЕТ ЗА МНОЙ? СПЛЮ ЛИ Я?

ЭТО НЕВОЗМОЖНО... ЭТО ПУГАЕТ... Я НЕ МОГУ ПЕРЕСТАТЬ СМОТРЕТЬ...

ОН ЗНАЕТ ВСЕ... ОН ЗНАЕТ МОЕ ИМЯ... ОН ЗНАЕТ, О ЧЕМ Я СЕЙЧАС ДУМАЮ... ОН ЗНАЕТ, ЧТО Я СОБИРАЮСЬ СКАЗАТЬ... ОН ЗНАЕТ, ЧТО Я СОБИРАЮСЬ ДЕЛАТЬ... ОН ЗНАЕТ МЕНЯ ЛУЧШЕ, ЧЕМ Я САМА СЕБЯ ЗНАЮ... ОН ПОНИМАЕТ МЕНЯ. ОН ЛЮБИТ МЕНЯ... ОН ХОЧЕТ МЕНЯ... ОН НУЖДАЕТСЯ ВО МНЕ... ОН КОНТРОЛИРУЕТ МЕНЯ... ОН МОЙ СЛЕПОК, ПРОТОКОЛ МОЕЙ ЛИЧНОСТИ... ОН КОПИРУЕТ МЕНЯ... ПОГЛОЩАЕТ...

*НЕ НАДО... НЕ НАДО..... ЭТО МОИ МЫСЛИМОИВОСПОМИНАНИЯМОИСТРАХИМОИ
СЕКРЕТЫ...*

НЕЛЬЗЯ... ОСТАНОВИСЬ...

НЕ ХОЧУПРЕКРАТИСТОПСТОПУЙДИ...

ВОН ИЗ МОЕЙ ГОЛОВЫ...

ВОНВОНВОНВОНВОНВОН...

Касси осознана, что кричит это «ВОН» в дневник на самом деле — до хрипоты, до крови в горле и капелек слюны на страницах. Чудовищным усилием она отшвырнула дневник подальше. От удара об пол страницы закрылись, и невидимый провод отпустил Касси.

Она закашлялась.

Прошла минута или две. Кровь замёрзла в жилах, сердце не билось, затихли электрические импульсы в мозгу — только бы ее не увидели, не услышали.

НЕ ПРОЧИТАЛИ.

Касси с трудом заставила себя пошевелиться: выпила воды из бутылочки и, стиснув страницы, чтобы они не раскрылись, вернула дневник на стеллаж. Написала от руки лаконичную служебку «фрагментов не обнаружено» и вернулась в приемную.

Чувствовала себя Касси уставшей, как рабочий на оловянной на шахте.

Неугомонный лоток принял ее ответ, выдвинулся снова и до конца дня отправлял ее из одного флигеля Культи в другой: что-то забрать, что-то отнести, что-то перепечатать.

Касси вернулась в квартиру Тани ближе к 20:00, измотанная и будто выскобленная до дна. Хозяйки не было, фотозонта, фотоаппарата и трипода — тоже. Касси открыла окна и впустила ветерок. Он показался ей освежающим, он трепал волосы вокруг ее лица и что-то неразборчиво нашептывал.

Касси присела на балконе, думая сходить в душ, но не успела — заснула беспробудным сном.

На следующий день все повторилось.

Глава 8. Лестница

На следующий день все повторилось: подписи, служебки, поручения в духе «принеси-отнеси». Железный лоток никогда не объяснял свои поручения, никогда не благодарил, никогда не помогал. Он, видно, ждал полного и исключительного повиновения, и Касси — ну что ж — повиновалась.

Она отскерокопировала под сотню документов, книг и свитков. Она нашла себя в библиотечной системе и узнала, что брала в прошлом году «Историю человеческих жертвоприношений», сборник эссе «Заговор против человеческой расы» и буддистскую книгу «Дхаммапада» — непонятно, на кой черт. Касси излазила стеллажи в поисках любой информации о рогах, но нашла только немецкую криптозоологию 1934 года, где было нарисовано под сотню несуществующих — Касси не сомневалась — существ со всевозможными наростами на головах, и не было ни одного способа от этих наростов избавиться.

Она стерла до дыр кроссовки, стерла до мозолей ноги. Потерялась в бессмысленном ходе дней, в тающем солнце, в ворохах палой листвы.

Вымоталась, выдохлась.

Задохнулась.

Одним утром — кажется, была вторая неделя сентября, — Касси раздраженно проглядывала очередную служебку. Нужно было подписать экспедиционную смету у какого-то Н.А. Кибальчича на какой-то Лестнице. Касси ни слова не понимала, злилась, и тут в приемной директора появился очередной посетитель.

— ДЕВЧОНКА, — восторженно заявил он.

— А? — растерялась Касси.

В закатном свете посетителю было лет восемнадцать-двадцать. Ростом он едва дотягивал до груди Касси: потный, с баками и пучком на голове, в синей олимпийке-кенгуру, в брюках и кедах. Две волосатые и длинные, как у гориллы, руки стискивали магазинные пакеты. Правый глаз из синего-синего лазурита с белыми прожилками плесени, вездесущей в Культе, восторженно изучал Касси.

— Ну я, типа, знал, что, кроме меня, у него есть еще парочка лакеев, но даже не думал, что есть лакей-девчонка. А ты прям девчонка.

— Д-да, — неуверенно согласилась Касси и с трудом отвела взгляд от лазурита.

Они представились, его звали «Ванно». Пока Касси гадала, кличка ли это, вариант «Ивана», или ещё что, «Ванно» заглянул правым, каменным, глазом в ее служебку.

— Чо у тебя? О... ЛЕСТНИЦА, — он произнес это значительно, будто с большой буквы. — Ну в добрый путь. Это на третьем справа. Я как-то больше по съедобному дерьму. Ну и по этим сраным аксолотлям.

Касси продемонстрировали содержимое пакета: креветки, котлеты, овощи, выпечка — все в трескучих контейнерах из прозрачного пластика.

— Аксоло... лотлям? — повторила Касси неуверенно.

Ванно кивнул на розовых ящерок и принялся насыпать им еду. Касси снова уткнулась в служебку, тщетно пытаясь понять, что ей делать в Культе и вообще в своей жизни.

— Т-ты знаешь что-то о других профессорах?

Ванно вопросительно посмотрел на неё, и Касси пояснила:

— Яворский. Имя и отчество без понятия.

— Разведка плазмодиев... — Ванно покачал головой. — Не, это не про меня. Стараюсь держаться от такого подальше. Меньше знаешь — крепче спишь.

Касси с сомнением посмотрела на него. Ванно кивнул в подтверждение.

Они помолчали.

— Ты его видел когда-нибудь? — Она показала взглядом на директорскую дверь.

— Нет, но — слышь? — я и гравитацию не очень-то видел. Ты проверь банковскую карту в конце месяца. — Ванно с лязгом задвинул в дверь очередную партию еды и подождал, пока лоток выдвинется с новым поручением. — Будет кое-что козырное. Кстати, ты че вечером делаешь?

Касси покраснела и замычала нечленораздельно.

— Не, ну ты не напрягайся так. Я че?.. Я увидел девочку-краш на восьмерочку, думаю, че не пригласить.

— Я п-подруге обещала сходить.

Это была правда, но частичная. Скажем, Таня действительно позвала Касси, но, будь Ванно немного симпатичнее или хотя бы выше, Касси не раздумывая задвинула бы Таню на второй план.

— Слышь че? Уважаю крепкие личные границы. — Он протянул руку и пожал, но не по-мужски, а аккуратно, как девушке. — Да, футболка — отпад!

И ушёл. Больше он не возвратился, но Касси от его слов почувствовала себя так, будто ее встряхнули и напоили кофе. Она посмотрела на своё бледное отражение в стенке аквариума, заправила прядь за ухо, повернулась голову влево и вправо. Собственный профиль ей как будто понравился, но «восьмерка» Ванном смущала. Скажем, почему не девятка?

Касси хихикнула и отправилась искать ЛЕСТНИЦУ.

В отличие приличных лестниц эта имела свой номер 091-х3у, а также дверь в правом крыле третьего этажа.

Вернее, дверью притворялась тяжелая металлическая плита. Краска на ней глянцево поблескивала красным, местами вспухала пузырями, местами отслаивалась. Маленький глазок не показывал ничего, кроме черноты. Было в этой двери что-то отталкивающее, неприятное, как если бы она ожила однажды и тайно возненавидела все, что дышало. Пассивно-агрессивная дверь, которая не могла ничего сказать, но исправно заедала замки, зажимала пальцы, волосы и полы одежды.

Касси уже поворачивала старинную ручку — бронзовую змею, глодающую собственный хвост, — когда за спиной раздался знакомый голос:

— Барашек, ты хоть когда-нибудь шапку снимаешь?

В груди кольнуло раздражение.

Касси намеренно проигнорировала вопрос и шагнула в лестничный ход, который темным, мрачным винтом уходил вниз. Площадку тускло освещал газовый рожок, как в фильмах о XIX веке; известняковые стены влажно поблёскивали. Напротив Касси висел металлический телефон с дисковым набором, но цифр на нем не было.

— Барашек, ты точно знаешь, что делаешь? — раздался над ухом голос Льва Васильевича.

Касси повернулась к нему, посмотрела в белый халат и сказала так твердо, как только могла:

— Я разберусь. Спасибо.

Верхний галстук Льва Васильевича изображал градиент оранжевого, по которому белым написали «ЭМЕРДЖЕНТНОСТЬ», нижний галстук был девственно-чёрный. Зеркала очков отражали свет, будто зеркала.

— Я разберусь! — повторила Касси.

С этими словами она решительно направилась вниз. Лев Васильевич потоптался на месте и пошлепал следом в своих неизменных вьетнамках. На ее возмущенный взгляд он пожал плечами.

— Двум разумама всегда по пути.

— Ага. Конечно.

Они преодолели несколько пролетов. На стенах тут и там матово белела плесень — Касси чувствовала ее запах в воздухе. Эхо шагов разлеталось вверх и вниз, множилось, ревербировало. Газовые рожки светили так тускло, что Касси едва различала ребра ступеней под собой, не говоря о нижней части лестницы.

— У тебя на футболке пицца? — поинтересовался Лев Васильевич.

— Пепперони с маслинами.

— У меня аллергия на маслины.

Касси промолчала, чувствуя, что только раздражается. Лестница все не кончалась. Она тянулась вниз и вниз, извивалась змеей. Не было ни дверей, ни окон — только газовые рожки и белая плесень на стенах. Только мерцающий свет и эхо шагов.

— Ты что, там, дуешься?

— Ничего я не дуюсь! — огрызнулась Касси.

Пролеты мелькали друг за другом, ноги устали и дрожали от нагрузки. Она остановилась, чтобы передохнуть. Лев Васильевич невозмутимо, а, может, и насмешливо наблюдал за ней, и Касси направилась дальше... нога промахнулась мимо ступеньки, и Касси полетела бы вниз, если бы Лев Васильевич не схватил ее руку.

Прикосновение было горячим, обжигающим. Касси отшатнулась и уперлась ладонью в склизкую плесень на стене.

— Эй, эй, эй! — поспешил успокоить Лев Васильевич. — Все нормально. Ты... ну, падала.

— Я не падала! У меня с координацией все... все замечательно!

Они помолчали, переводя дыхание.

— Спускаешься дальше? — спросил Лев Васильевич.

Касси молча стерла плесень с рук и пошла вниз.

— Это бессмысленно, — донеслось сверху.

— Иди к черту.

Касси с мрачной решимостью ковыляла по ступенькам. Ей было плевать на плесень, паутину, на трещины в стенах, из которых глядела влажная темнота.

Пять... десять минут. Полчаса.

Час.

Касси насчитала около сорока этажей, сбилась... насчитала еще десятка три... Лестница не заканчивалась и по спирали спускалась в бездну. Сгиб стопы свело, голова кружилась. На очередном пролёте Касси без сил опустилась на черные ступеньки. Лев Васильевич остановился рядом и упёрся руками в колени.

— Вопросы? — спросил он, тяжело дыша ртом.

Касси покачала головой. От усталости в голове все застыло, будто проржавели шестерни.

— Барашек, ты же умнее, чем кажешься.

Она не ответила — встала через силу и пошла вниз, бормоча: «Дебильная, дебильная, дебильная лестница. Вонючая лестница. Тупейшая лестница».

Мелькнул один пролёт, второй.

Голова закружилась сильнее. Касси едва не промахнулась мимо ступеньки и остановилась, как урытая в землю.

— Г-господи!

Минут пять она злобно сопела в темноту, потом спросила:

— Она б-бесконечная?

— Или бесконечная совокупность конечных лестниц. Или неевклидова фигура. Моя невеста считает ее воплощением стрелы Зенона, которая, вроде бы движется, но в каждый дискретный момент времени статично пребывает в дискретной единице пространства.

— Твоя невеста, наверное, очень умная!

— Безусловно. Хотя я бы отнес лестницу к разряду невозможных фигур, где любое движение рано или поздно приводит к возвращению в исходную точку, но для подтверждения этой гипотезы нужно, чтобы вернулась экспедиция Кибальчича. Как я понимаю, тебе нужно подписать их смету?

Касси кивнула. За исключением последнего предложения, слова Льва Васильевича казались бессмысленным нагромождением звуков.

— Они спускаются с девяносто четвертого года, — сказал он.

— А?

— Почти двадцать лет. Если предположить, что они двигались каждый день в течение восьми часов, ну, шести, с учетом отдыха... скорость возьмем четыре километра в час... — Лев Васильевич снял очки и стал протирать полый халата. — Они спустились примерно на сто семьдесят тысяч километров. Диаметр Земли — двенадцать тысяч.

Касси попыталась сопоставить эти цифры и покачала головой.

— Это невозможно. В этом нет никакого смысла.

— Я и говорю — невозможный объект.

Она достала служебку и перечитала поручение.

— Зачем посылать меня сюда?!

— Вот это вопрос. Любой, кто здесь учится или работает, рано или поздно попадает на Лестницу. Это своего рода инициация. Помни ты свою учебу... до кровоизлияния, кажется?..

— Ну? — сухо проговорила Касси.

— Ты бы просто подделала подпись или позвонила бы сверху. Но ты пошла вниз...

Лев Васильевич задумчиво смотрел на нее, так пристально, что она опустила взгляд.

— П-позвонила бы?

— Когда снаряжали экспедицию и некоторое время после начала, была налажена прокладка телефонных проводов для связи. Но сейчас... Они спускаются с девяностой четвертого года. Даже если они живы... в чем я не уверен, длина телефонной линии должна быть такова, что оборвется под своим весом. Не говоря о том, что у них не было такого запаса проводов. Что бы ни отвечало по этому телефону, это уже не экспедиция Кибальчича.

— Ты звонил?

— Все звонили... — Он будто хотел что-то добавить, но вместо этого надел очки и протянул руку. — Пойдем обратно. Здесь не стоит слишком долго находиться.

Касси дала ему поднять себя, и они двинулись вверх — медленно, тяжело, осторожно.

— Спасибо.

— Можешь в благодарность называть меня Леопольд, как императора Священной Римской империи.

Касси не знала, что на это ответить, и спросила другое:

— А если бы ты не пошел за мной?

— На первой сотне километров есть датчики, так что охрана бы тебя вытащила.

— Только на первой? — Касси похолодела от мысли. — Я бы могла погибнуть?

— Вряд ли, но вот эта прелесть. — Леопольд... Лео мазнул пальцем плесень. — В таком количестве вызывает сильнейшую метафизическую интоксикацию. Не удивляйся, если скоро начнешь видеть гномиков.

— Ты сказал «метафизическую»?

— Именно так.

Касси фыркнула.

— Это что-то из буддизма?

— Метафизика идёт после физики, — как само собой разумеющееся объяснил Лео. — Наш плесневик находится здесь и в то же время продолжается за пределами физической все-

ленной. За пределами всех физических вселенных — пронизывает их насквозь и выходит туда, где ничего нет. За пределы. От этого и идёт интоксикация.

— На том звере, которого ты пытался мне всучить, — этот же «плесневик»? — догадалась Касси.

Лео хитро посмотрел в ответ.

— Вы подаете надежды, юный падаван.

Через часа полтора, то и дело останавливаясь, чтобы дать отдохнуть икрам и коленям, они добрались до верхней площадки. В открытый дверной проем глядел коридор Культу, такой обычный и скучный — Касси он показался глотком свежего воздуха.

Она остановилась у старого телефона на стене и, тяжело дыша, оперлась о его металлический корпус. Ноги у нее подгибались от усталости.

— Просто позвонить?

— Вроде того, но не стоит.

— Я позвоню.

Лео поправил очки.

— Это не они. Это не экспедиция Кибальчича, послушай знающего человека.

— Я спрошу, согласны ли они на подделку подписи.

Он посмотрел на нее с досадой, но, видимо, слишком устал, чтобы спорить.

— Ладно, я предупреждал, барашек. Не хочу это слышать. — Лео потоптался, махнул рукой и вышел в коридор.

На лестнице сделалось пугающе пусто.

Касси отдышалась, ткнула холодную трубку в ухо, крутанула лишенный цифр диск. Ее окутала тишина. Впрочем, нет, не тишина — это было молчание. Каким-то седьмым чувством Касси ощущала на другом конце присутствие ЧЕГО-ТО или КОГО-ТО, хотя слух не улавливал ни звука.

— Алло? — осторожно сказала она. Касси могла быть поклясться, что слышит, как волны спинномозговой жидкости плещутся о берега ее черепа. — А... Алло?

— ... в разговор веселый не вступая, сидела там задумчиво одна. — донесся слабый мужской голос. — ... она мне всегда нравилась.

Касси опешила.

— Что? Простите, мне нужно подписать у вас смету... я...

— Красивая и смелая... дорогу перешла... — пропел голос и засмеялся.

— Вы меня, наверное, с кем-то путаете. Мне нужно подписать один документ. Как мне вас найти?

— ... больно думать о тебе...

У Касси побежали мурашки по спине. Из трубки в ее ухо перетекало темное, глухое молчание, на поверхность которого изредка вырывались отдельные фразы и слова:

— ... никогда больше не встретимся...

— В-вы знаете меня?

— ... так больно... — голос задрожал. — ... всегда быть только заменой...

— Простите, я не понимаю?..

— ... твоим перевалочным пунктом...

Касси облизнула губы.

— Кто вы?

— ... пока ты не найдешь кого-то получше...

— Я так

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.